

М. О. ГЕРШЕНЗОН

К Л Ю Ч В Е Р Ы

М. О. ГЕРШЕНЗОН

К Л Ю Ч В Е Р Ы

КЛЮЧ ВЕРЫ

М. О. ГЕРШЕНЗОН

К Л Ю Ч В Е Р Ы

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

© YMCA-PRESS, 1979 .

Кто хочет понять человека и себя самого, должен бросить лот в самую глубокую идею, какую создал человеческий ум,—в идею Бога. Она поразительна в целом, как предвосхищение последней, единой мирообъемлющей истины, еще и теперь смутно брежжущей перед нами; трудно понять, какой опыт открывал полудиким людям тайну вещей, казалось бы вовсе недоступных чувственному познанию. Но еще несравненно загадочнее самой идеи—те образные представления о божестве, в которых она воплощалась. Откуда почерпнул еврейский народ свое подробное и точное знание о творце и владыке вселенной, изложенное в Библии? Бог обрисован здесь чертами столь смелыми и вместе простыми, что по сравнению с ним любой образ, созданный воображением даже гениального художника, кажется искусственным и скудным.

*) См. *Примечание* в конце книги.

Биография еврейского Бога — несомненно самая полная, самая ясная и точная биография всякого Бога; я хочу рассказать, как в образе ветхозаветного Иагве жил, страдал и совершал свое мировое дело всеобщий Бог человечества.

II.

Что с первого взгляда поражает в ветхозаветном Боге, это противоречивость его существа и явления. Он реальнее всего сущего, ибо он источник и причина всякого бытия и всякого действия, совершающегося в мире. Он живет и действует, как личность. Но, в отличие от всех других существ, он совершенно недоступен восприятию внешних чувств; он абсолютно реален, и однако абсолютно умопостигаем. Его нельзя видеть; кто пытается увидеть его, того он поражает смертью (Исх. XIX 21, 24. XXX 20). Моисей только слышит его голос из тернового куста (Исх. III 4, 5). Он окутан мглой; книга Исхода рассказывает: «Народ стоял вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог» (Исх. XX 21), и Соломон, молясь при освящении Храма, говорит: «Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле» (3 Цар. VIII 12—II Паралип. VI 1). Иов знает:

«Вот Он пройдет предо мною, и не увижу Его; пронесется, и не замечу Его» (Иов IX 11). Моисей заветствует народу: «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из среды огня» (Второз. IV 15). Поэтому всякое подобие его, которое попытался бы создать человек, будет ложью: «не сотвори себе кумира». У него нет даже имени—его можно называть только описательными именами, как Владыка или Сущий. Он подлинно есть, и однако не занимает никакого места в пространстве; он ярко и определенно индивидуален, но у него нет фигуры и лица. Итак, кто же он?

Твердо установлено одно, что Бог по своей природе — огонь. Ветхий Завет изображает различные состояния Бога, как различные виды огня. Моисею Бог впервые является в пламени, объявшем терновый куст; это был как бы эфирный огонь: куст горел, но не сгорал (Исх. III 2). И все-же он — подлинный огонь, тот самый, которым горят дрова на земле. Распаленный гневом, он извергает пламя, дым и горящие уголья. Книга Чисел (XI 1) рассказывает: воспламенился гнев Божий на Израиля, и возгорелся у них огонь

Господень и начал истреблять край стана; но Моисей помолился Богу, и огонь утих. В 17-м псалме читаем: «Разгневался Бог; поднялся дым от гнева Его и из уст Его огонь поядоущий; горящие уголья сыпались от Него». Он пышет жаром окрест себя; Дебора поет: «горы таяли от лица Господа» (Суд. V 5), и эти слова повторяются в Библии много раз—в псалмах, у Исаии, у Михи: горы тают от лица Господа, как воск от плавящего огня, как от кипящего воду (Псал. 96, 5. Ис. LXIV 1—3, Мих. I 3). Все эти речения—не метафоры; в них употреблены слова, которыми именуются обыденные физические явления: *esch* — огонь, и *potoss* — плавить, таять. Бог по существу огонь и бытие его—горение; на Синае он является народу в огне: гора вся дымилась от того, что Бог сошел на нее в огне, и восходил от нее дым, как из печи (Исх. XIX 18). Когда Бог хочет засвидетельствовать пред людьми свое присутствие, он является в виде самопроизвольного огня. На вопрос Авраама: «Владыко Господи, по чему мне узнать, что я буду владеть ею этой землею?» Бог велит ему привести телицу, козла, овна, и рассечь их; когда же солнце зашло и наступила тьма—«вот дым как бы из печи и пламя огня прошли

между рассеченными животными» (Быт. XV 17). Моисей предупредил народ: сегодня вам явится Господь,—и вот как это произошло: сжегши часть жертвы, Аарон остальную часть оставил нетронутой на жертвеннике, потом вместе с Моисеем вошел в скинию собрания, и вышли, и благословили народ; в это мгновение вышел огонь от Господа и сжег на жертвеннике всесожжение и тук; и видел это весь народ (Лев. IX 23—24). Точно также, когда Бог явился Гедеону и Гедеон усомнился, подлинно ли с ним говорит Господь,—Бог согласился сделать ему знамение. Гедеон принес мясо козленка и опресноков и положил принесенное на камень; тогда Ангел Господень, простерши конец жезла, который был в его руке, прикоснулся к мясу и опреснокам, и вышел огонь из камня и поел мясо и опресноки (Суд. VI 21). Илия сделал больше: соорудив жертвенник и выкопав ров вокруг него, он велел народу трижды лить воду на жертвенник и на жертву, пока ров не переполнился водою; затем он воззвал к Богу — и ниспал огонь Господень и пожрал всесожжение и дрова, и камни и прах, и поглотил воду, которая была во рве (3 Цар. XVIII 38). Тот же «огонь Господень» пожрал 250 мужей, подняв-

ших мятеж против Моисея в пустыне (Числа XVI 35).

III.

Итак, Бог Ветхого Завета—скорее стихия, чем существо: бесплотный, безликий, огнедышащий, огненный Бог. Таков он еще в видениях Иезекииля: «И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри его во круг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние вокруг него» (I 27 и VIII 2). Между тем ему как бы от природы присуща потенциальная форма воплощения, притом всегда одна и та же: когда обстоятельства требуют, он принимает вид ангела, неизменно в человеческом образе. Можно сказать, что в нем скрытно пребывает человеческий облик; он по сущности не имеет или по своей воле не хочет принимать другого плотского облачения, кроме наружности человеческой. Оттого и сказано: «сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его». Ветхий Завет многократно повествует о явлении Бога людям в человеческом образе ангела. Особенно поучителен наивный рассказ Книги Бытия (гл. XVIII) о благовестии Аврааму, где

Бог является в виде трех мужей, и однако говорит как один—как Бог, и Авраам обращается к ним с речью то как к одному, к Богу, то как к троим. И в дальнейшем рассказе—о посещении Богом Лота — без различия чередуются: «те мужи» и «ангелы», а Лот говорит к ним как к одному — к Богу: «вот, раб твой обрел благоволение пред очами твоими», и т. д. (Быт. XIX). То же смешение в рассказе о призвании Гедеона: тот, кто явился ему, именуется то ангелом божьим, то Богом, и Гедеон называет его Господом (Суд. VI 11—23). Так и Агари является ангел в пустыне—и говорит к ней как Бог: «умножая умножу потомство твое», и она знает, что с нею говорит Бог (Быт. XVI 7—13). Матери Самсона предстал ангел Божий, и она рассказывает о его явлении мужу так: «человек божий приходил ко мне, которого вид, как вид ангела божия, весьма почтенный» (Суд. XIII 6). Иисусу Навину Бог явился в виде человека с обнаженным мечом в руке, и человек этот назвал себя вождем воинства Господня, но дальнейшие строки показывают, что это был сам Бог (Иис. Нав. V 13—15, Исх. III 5). Таков же и рассказ о явлении ангела Балааму и его ослице (Числа XXII 22—35).

И все-же ангёлы, являющиеся людям, — не весь Бог, а только эманация его. Целиком Бог не воплощается в зримом образе. Разгневанный сотворением золотого тельца, Бог говорит Моисею: веди народ твой в землю обетованную, и ангел мой пойдет пред тобою, — «Сам же Я не пойду среди вас; вы народ жестоковыйный; если Я пойду среди вас, то в одну минуту истреблю вас» (Исх. XXXIII 2, 3, 5); еще раньше сказано: «вот Я посылаю пред тобою Ангела; блюди себя пред лицом его... ибо имя мое в нем» (Исх. XXIII 20—21). Когда посланный Богом ангел, поражая Израиль язвою, дошел до Иерусалима и простер руку свою на город, чтобы опустошить его, — Господь пожалел и сказал Ангелу: «довольно, теперь опусти руку твою» (2 Цар. XXIV 16). И Лоту ангелы говорят: Господь послал нас истребить сей город (Быт. XIX 13). Ангелы — не Бог, но ипостась и образ его.

IV.

Представление о космической роли божества, как известно, — представление общечеловеческое. Оно явно сквозит уже в грубейших языческих верованиях, всякое же единобожие, в том числе и еврейское, всецело зиждется

на нем. Бог, изначально сущий, создал мир, установил законы явлений и блюдет вселенское бытие; он совмещает в себе всемогущество физическое и всемогущество духовное; его волею совершается жизнь, в его разуме предначертаны судьбы и помимо его ничто не случается.

В этом идеальном облике единого Бога библейский Бог однако не теряет своей индивидуальной особенности. В качестве творца и водителя вселенной он так же непохож на других монотеистических богов, как в своем вещественном проявлении.

Бог позднейшего единобожия характеризуется абсолютной полнотою мощи и разуме-ния. Он не только всемогущ физически, но и все видит и слышит, все предусматривает, все знает, обо всем помнит; в нем полнота и равновесие всех возможных сил. Библейский Бог не таков: он—еще преимущественно стихия, не личность; в нем нет ни этой полноты, ни этой соразмерности; он необуздан и запальчив, его полновластие полно изъянов и всеведение весьма ограничено.

Подобно человеку, несдержанному в гневе, он сам боится своей вспыльчивости и принимает меры против ее непоправимых послед-

ствий. «Сам не пойду среди вас, чтобы не погубить Мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный; если Я пойду среди вас, то в одну минуту истреблю вас». В порыве ярости послал потоп на землю, и потом раскаялся: «не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал»,—и подобно человеку, ставит себе механический знак для памяти, чтобы не забыться в другой раз — радугу: «когда Я наведу облако на землю, то явится радуга в облаке; и Я вспомню завет мой, который между мною и между вами и между всякой душою живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти» (Быт. IX 13—15). И как часто ему приходится раскаиваться в своих поступках! а это значит, что, принимая решение, он не умел предвидеть его последствия. Не он ли создал человека и всякую плоть земную? Но создание оказалось несовершенным, пошло дурным путем. Как же он не предусмотрел заранее и в самом творчестве не предустановил совершенства? Но не предусмотрел и создал дурно—и вот «раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце своем», и решает истребить всю тварь потопом (Быт. VI 6). Сам назначает Саула

царем над Израилем, а потом убеждается, что выбор был неудачен, и говорит Самуилу: «жалею, что поставил я Саула царем, ибо он отвортился от Меня и слова Моего не исполнил», и еще раз «Господь раскаялся, что воцарил Саула над Израилем» (I Цар. XV 11, 35). Столько ошибок и огорчений! А причина их — Его стихийный, страстный характер. Он донельзя импульсивен, действует по первому впечатлению или по первому побуждению. «Призрел Бог на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел» (Быт. IV 4, 5) — почему? мы напрасно ищем объяснения. «Ир, первенец Иудин, был негоден пред очами Господа, и умертвил его Господь» (Быт. XXXVIII 7), опять без вины, без всякой разумной причины. И Израиль он избирает в народ Себе тоже по необъяснимому влечению, нельзя понять — почему, как и говорит Моисей народу: «Тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле. Не потому, чтобы вы были многочисленнее всех народов, принял вас Господь и избрал вас, — ибо вы малочисленнее всех народов, — но потому, что любит вас Господь» (Второз. VII 6—8). И десятки раз он готов принять роковые решения, в которых

потом горько раскаялся бы, нераз поднимает руку, чтобы поразить Израиля,—но, по счастью, мольба Моисея или кого-нибудь другого из Его любимцев во-время образумливает Его.

Та же стихийная страстность на каждом шагу затемняет его память и его восприятия. Вечно обуреваемый внутренно, он то и дело одного не заметит, другое забудет. Он сам велит евреям отметить кровью их дома, чтобы в ночь, когда он будет избивать всех первенцев египетских, не ошибиться, не поразить и их (Исх. XII 13). Он сплошь и рядом не знает, что делается на земле. Он не знает, что Адам и Ева уже вкусили от дерева познания, и узнав об этом от Адама, не знает, что побудил их к тому змей (Быт. III). Тварь давно извратила путь свой, а Он и не знал; но наконец заметил: «И воззрел Господь Бог на землю, и вот, она растленна: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле» (Быт. VI 12). Не знал, что Содом и Гоморра погрязли в грехе, пока до него не дошел вопль на них; тогда решил сойти и взглянуть; «Сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю» (Быт. XVIII 21); и не знает заранее, сколько там праведников. То же было и с

Вавилонской башней: вдруг заметил — «и сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие» (Быт. XI 5). И евреи столько лет терпели рабство в земле египетской, потому что Бог забыл о них. Так много раз совершаются дела на земле, прежде чем он увидит. «И вспомнил Бог о Ное»; «И вспомнил Бог о Рахили»; «И вспомнил о ней Господь» (об Анне) (Быт. VIII 1; XXX 22; I Цар. I 19). Люди живут по своему разумению, и сколько мучаются! пока наконец-то Бог вспомнит о них и вмешается.

И еще далеко не всегда Он сам замечает, что случилось на земле; большей частью только людские стоны или мольбы привлекают Его взгляд на совершающееся. Нужно, чтобы громкий вопль достиг до Него в пространствах, где Он носится пламенным вихрем; надо громко окликнуть Его, чтобы он оглянулся. Он сам приказывает евреям: «когда будете выступать на войну, — трубите тревогу трубами, и Бог вспомнит о вас и спасет вас от врагов ваших; и в праздники ваши трубите трубами при всесожжениях, — и Бог вспомнит о вас» (Числа X 9—10). Он узнает о грехах Содомы и Гоморры только по воплю, дошедшему до Него (Быт. XVIII 20, 21). Агарь с

Изманилом заблудилась в пустыне, и не стало у нее воды в мехе; тогда она оставила ребенка, умирающего от жажды—положила его под куст,—и села поодаль, и плакала; Бог не заметил бы их, но вот «услышал Бог голос отрока» (Быт. XXI 17). «И стонали сыны Израилевы от работы (в Египте) и вопияли, и вопль их от работы восшел к Богу. И услышал Бог стенание их, и вспомнил Бог завет Свой с Авраамом, Исааком и Иаковым». (Исх. II 23—24; то же III 7—8, VI 5). Илия воззвал: «Господи Боже мой! Да возвратится душа отрока сего в него»—«и услышал Господь голос Илии» (3 Цар. XVII 22). Исаия посылает сказать Езекии: «Так говорит Господь Бог Израилев: «то, о чем ты молился Мне против Сеннахерима, царя Ассирийского, Я услышал» (4 Цар. XIX 20); и т. д.

V.

Я рассказал о библейском Боге, каков он есть и каковы его свойства; теперь надо рассмотреть его отношения.

Все древние религии без исключения: индусская, египетская, ассиро-вавилонская, персидская и обе античные, начинают свой рассказ биографией верховного Бога, подробно пове-

ствуют о его происхождении и судьбах до сотворения мира. Один Ветхий Завет ничего не знает об истории Бога, потому что Бог—личность должен родиться и переживать различные перипетии, тогда как Бог-стихия не имеет биографии: он существовал от начала и неизменно. Библия с самого начала знает Бога таким, каким он пребывает во все времена, и сразу начинает с сотворения мира. Доисторическая биография библейского Бога, так сказать, исчерпывается этим единственным фактом или актом—сотворением мира.

Но из этого акта проистекли последствия, которые в дальнейшем чрезвычайно занимают Бога, так что биография Бога по Библии делится на две части: до сотворения мира, когда Он был один, и после сотворения мира когда рядом с Ним стал мир. И эта вторая часть его биографии есть история Его взаимоотношений с созданным им человеком.

Естественно рождается недоумение: Бог и созданный им человек настолько несоизмеримы, что кажется странным, почему внимание Бога отныне всецело поглощено поведением твари, почему ее послушание или непослушание так страстно волнует его, что неустанно следить за нею, награждать, карать,

наставляя ее становится единственным делом Его жизни. Можно подумать, что Он лично в своем существовании или благоденствии зависит от судеб человека или отношения человека к Нему.

Ветхий Завет именно с этой точки зрения различает в мире две категории: существа, вещи, силы неодушевленные, и одушевленную плоть.

Бог всемогущ над неодушевленными творениями,—всемогущ вдвойне. Во-первых, он дал им уставы, которым они и послушны во-век; во-вторых, Он по своей воле властен, когда пожелает, нарушить их устав и уклонить их путь, что люди называют чудом. Таких чудес в Ветхом Завете много. По просьбе Иисуса Навина, Бог останавливает солнце над Гаваоном и луну над долиною Аиалонскою до тех пор, пока евреи одолеют аморреев. По Его воле жезл Моисея превращается в змея и змей обратно в жезл, вода, пролитая на землю, делается кровью, град поражает весь Египет, исключая земли Гесем, где живут евреи, и мгновенно прекращается по Его воле, густая тьма три дня покрывает всю землю Египетскую, а в еврейских жилищах светло, как всегда; велит—и море расступается на-двое

обнажая дно, и Израиль переходит по-суху, а воды стоят стеною по правую и по левую руку его, потом снова сливаются и топят Фараона с его войском; падает манна с неба, скала источает воду, тронутая жезлом Моисея, и т. д.

Такой власти нет у него над тварью живою,—не потому ли, что Он уделил ей от своего духа, а с духом сообщил и свою свободу, свой произвол? Тварная воля в живых существах непокорна Ему, самочинна. Ошибся ли Он в дни творения, как плохой мастер? В шестой день, кончив работу, он обозрел все созданное Им и сказал себе, что все устроено «хорошо весьма»; и чуть не на другой день должен был убедиться, что механизм далеко не хорош: Адам согрешил, а там пошло все хуже и хуже и машина скоро оказалась вовсе негодной, так что пришлось потопом почти всю сломать ее. А портилась машина только в тех частях, которые были одарены душою, и причиною порчи была именно душа или воля твари. Или, может быть, свобода тварной воли была предумышленна Богом, т. е. была ему нужна в самом замысле творения для какой-то далекой, Ему одному ведомой цели?

Самовольна, непослушна Ему уже низшая тварь. Перед потопом не один человек, но

всякая плоть извратила путь свои на земле, «все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше» от человека до скотов и гадов и птиц небесных,—и всех их Бог истребил. И змей свободен в своей воле нашептывать злое Еве, и Бог даже не знает об этом заранее, не предвидит в душе змея и не удерживает его. Но, разумеется, всего самовольнее среди живых созданий то, которое Бог сотворил по своему образу и подобию, которое является как-бы воплощенным духом («и стал человек душою живою»),—человек. Он самоволен, так сказать, по самому акту своего творения и во веки веков. В сущности и потоп был бесцелен; он пропал даром, не изменил природы человека; после потопа Бог сам признал, что нет никакого средства изменить ее: «не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого—зло от юности его» (Быт. VIII 21).

Свободою воли человек равен Богу. От первого дня творения рядом с свободной волею Бога стала другая свободная воля—человеческая: вот важнейший факт мировой истории.

Бог насадил в раю древо жизни и древо познания добра и зла. По Его замыслу нужно было, чтобы человек не ел от плодов обоих

этих деревьев. Казалось бы, стоило только, создавая человека, вложить в него соответственный инстинкт—нежелание есть эти плоды. Но Бог не захотел или не смог создать его таким, — Он хотел или должен был создать его именно вполне свободным волею. И вот первое расхождение двух воль: Бог не хочет, чтобы человек вкусил от древа познания, человек захотел и вкусил. И дальше, что ни шаг, воля человека расходится с волею Бога. Человек живет, действует и устраивает свой быт по своему произволу; Каин убивает Авеля, весь род людской развращается пред лицом Бога, люди строят Вавилонскую башню, Авраам входит к Агари, чтобы родить себе сына, Содом и Гоморра оскверняют землю развратом, дочери Лота, одна за другою, ложатся с отцом; Бог бессилен направить заранее волю человека и предотвратить недолжный поступок. По выходе евреев из Египта Бог не решается вести их ближайшей и сытной дорогой—через землю Филистимскую: он боится, чтобы, наткнувшись на сопротивление, они не пожалели о своем уходе и не вернулись в Египет; поэтому он ведет их дальней и пустынной дорогой—к Черному морю (Исх. XIII 17—18). А раз поступок совершен, Бог уже

принужден считаться с ним; и сплошь да рядом Ему ничего другого не остается, как признать факт и еще облегчить человеку его последствия, так что нередко события складываются так: человек самочинно, наперекор воле Божьей, намечает себе новую дорогу и делает первые шаги, — и Бог в конце концов сам уравнивает ему своевольно начатый путь. Так, после грехопадения Адам и Ева, узнав свою наготу, сшили себе опоясання из смоковых листьев: Бог научил их лучшему — сделал им кожаные одежды. Сотворив человека, Бог заповедал ему есть только растительную пищу, а потом, убедившись, что помысел человека всегда устремлен на злое, после потопа, разрешает ему и кровавую, мясную пищу (Быт. IX 3). Когда сыны Израиля приступили к Самуилу, требуя, чтобы он поставил царя над ними, — Бог грозой и ливнем показал им, какой великий грех они делают тем, ибо доныне Он Сам был их царем. И все же приказал Самуилу исполнить их волю, да мало того: еще Сам указал ему, кого избрать в цари, и прислал к нему Саула (1 Цар. VIII 6—9, IX 15—16, XII 16—20).

Между тем несомненно, что Он умеет и прямо воздействовать на волю человека; та-

кие случаи нередки в Ветхом Завете. Сумел же он удержать Авимелеха, царя Герарского, от посягательства на честь замужней Сарры («Я не допустил тебя прикоснуться к ней» Быт. XX 6), умел многократно «ожесточать сердце Фараона», умел внушить сыну Соломона Ровоаму пагубную мысль (3 Цар. XII 15), и десятки раз на протяжении библейской истории воздвигать на ослушного Израиля волю враждебных ему царей. Но, очевидно, так Он поступает только в людях ничтожными в Его глазах, с теми, кто сам по себе не представляет для Него интереса, кем Он пользуется только как орудием; потому что изнутри подвигать волю человека, значит унижить человека до уровня низшей твари. Кем Он дорожит непосредственно, того Он не насилует духовно. Он ни разу не удерживает Израиля *психически* от идолопоклонства и других грехов; любимца своего Давида Он не удержал от вожделения к Вирсавии и от убийства Урии, и т. д. и т. д. Очевидно, Его замысел, может быть осуществлен только чрез людей свободной воли, и только такие нужны Ему.

С той минуты, как свободный Бог создал свободного человека, началось в мире единоборство двух свободных воль. Оттого обоим

приходится трудно; Бог ежеминутно раздражается своеволием человека, и, как сильнейший, больно бьет его заслушание Себе; жизнь Бога полна огорчений и забот, а человек мучается, греша и терпя кару за грех. Лучше бы Бог совсем не дал ему свободы, как камню, потому что какой-же смысл дать свободу—и наказывать за пользование ею? А главное, зачем понадобилась Богу эта трудная и жестокая игра: одарить человека столь сладкой свободой—для того, чтобы муками заставить его в конце концов отказаться от нее?

Такова космогония Библии, грандиозная и простая с виду, глубоко-загадочная по смыслу. Нам надо понять, какой опыт, какое свое знание о природе вещей выразил в ней древний еврей.

VI.

В древнейших мифах еврейского народа, т. е. в первых главах книги Бытия, где местами еще уцелело именование *Элогим* — «боги» во множественном числе, свобода человека представляется реальной опасностью для Божества. Бог боится человека, как возможного соперника: «И сказал Господь Бог: вот Адам стал, как один из Нас (т. е. богов), зная добро

и зло; и теперь как бы не простер он руки своей и не взял также от дерева жизни, и не вкусил и не стал жить вечно» (Быт. III 22). Поэтому Бог изгоняет Адама из рая: казалось бы, достаточная предосторожность. Но, видно, Бог имеет основания думать иначе. Легко станет, что изгнанный человек хитростью снова проникнет в сад: его своеволие неукротимо; надо еще прочнее оградить себя против грозящей опасности;—и ставит у райских врат херувима с вращающимся мечом, «чтобы охранять путь к дереву жизни». Точно так же, когда люди начали строить Вавилонскую башню, намереваясь довести ее до небес, Бог встревожился: «вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать», и поспешил смешать их языки, для того, чтобы они рассеялись. Еще ярче и символически-глубже в своей несравненной простоте позднейший без сомнения миф о борьбе Иакова с Богом. Едва ли еще когда-нибудь более глубокое созерцание было облечено в более совершенный поэтический образ. «И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он бо-

ролся с Ним. И сказал: отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его там» (Быт. XXXII 24—29). Я не смею пояснять отдельные черты этого мифа; пусть каждый сам взглянется в них. Здесь характерно не только равносильное борющихся и превозмогание человека: всего поразительнее самый факт борьбы: Бог ночью, без всякой причины, внезапно напал на Иакова. Библии памятно и другое подобное нападение. По велению Бога, Моисей, только-что избранный Им на подвиг, отправляется с женою и сыновьями из земли Мадямской, где жил до сих пор, в Египет, чтобы там исполнить свое посланничество; и вот — «Дорогою на ночлеге случилось, что встретил его Господь и хотел умертвить его. Тогда Сепфора (жена Моисея), взявши каменный нож, обрезаала крайнюю плоть сына своего и, бросивши к ногам его, сказала: ты жених крови у меня. И отошел от него Господь» (Исх. IV 24—26).

Невольно рождается фантастическая мысль: Бог нуждается в человеке и до изнурения хлопочет о нем, но как же Он и ненавидит человека за эту свою нужду в нем, и за неизбежную его свободу, и за вечную хлопотливую возню с ним! Иаков и Моисей для Бога не рядовые фигуры из людской толпы: они — Его избранники, лично знакомые Ему; тем более вероятным кажется, что, повстречав одного из них в своих ночных скитаниях, Бог вдруг загорается острой злобою и, не помня себя, накинется, чтобы задушить его.

В этих циклопических образах древней народной фантазии, как в твердой скорлупе, было скрыто ядро еврейской религии; позднее, когда скорлупа распалась, зерно проросло. Наивные представления, что Бог боится человека или что Бог ненавидит человека, со временем выветрились, но уцелела основная идея об отношении Бога к человеку, та странная и загадочная идея *о зависимости Бога от свободной воли человека*. Все религии от грубейших до наиболее просветленных, за исключением буддизма, устранившего самое понятие Божества, построены твердо на этой идее; но ни в какой она не была разработана так глубоко-сознательно и проведена с такой непре-

клонной последовательностью, как в религии древних евреев.

VII.

От полудикого кочевника-еврея, созерцавшего пред своим шатром ночные звезды, до великих пророков и книжников Иудейского царства, на протяжении тысячи и больше лет чрез еврейское народное сознание проходит красной нитью одна мысль: Бог нуждается в человеке. Содержание этой мысли и есть поприще, на котором развилась еврейская религия. Оно сводится к естественному вопросу: что собственно нужно Богу от человека, чего конкретно он хочет от человека? На этот вопрос еврей-язычник отвечал грубо-вещественно, как под всеми широтами отвечала на него первобытная религиозная мысль: Бог нуждается в пище, которую доставляет Ему верующий. В Книге Бытия еще сохранились следы этой мысли. Когда по окончании потопа Ной совершил всесожжение на жертвеннике, Бог «обонял приятное благоухание, и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека» (Быт. VIII, 21). Смысл этих строк очевидно тот, что, вкусив аромат жертвоприношения, Бог решил сохранить че-

ловека, хотя и дурного, чтобы впредь не лишиться себя столь лакомого яства. Еще и в книге Левит жертва называется «хлебом Господа», т. е. Его пищею (XXI, 6, 17, 21) и неизменное речение гласит, что приносится она «в приятное благоухание Господу»; даже у Исаии Бог упрекает Израиля: «ты туком жертв твоих не насыщал Меня» (XLIII 24). Это древнее представление очевидно до конца осталось живым в еврействе, потому что реальное (не символическое) жертвоприношение, т. е. заклание и сожжение животных, возлияния и т. п., не имеет и не может иметь другого смысла, как доставлять пищу Божеству. Но сознание далеко ушло вперед от косной традиции; разумеется, уже и задолго до времен Исаии ни один еврей не думал, что Бог нуждается в питании: сознательно жертва понималась, как почетное приношение Богу, знак подданства и благочестия.

Именно эта мысль господствует на всем протяжении Ветхого Завета: жертвоприношение—только одно из важных проявлений отношения человека к Богу. Бог требует от человека большего: он требует от него покорности Себе, в состав которой входит и почет, осуществляемый внешним култом и в том

числе жертвоприношениями. Добровольное признание и повиновение, страх и любовь человека—вот что нужно Богу.

«Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа Бога твоего, ходил всеми путями Его и любил Его, и служил Господу Богу твоему от всего сердца твоего и от всей души твоей» (Второз. X, 12)—вот первая, основная заповедь. Книга Иисуса Навина резюмирует весь закон Моисея в словах: «любить Господа Бога вашего, ходить всеми путями Его, хранить заповеди Его, прилепяться к Нему и служить Ему всем сердцем вашим и всею душою вашею» (XXII, 5). Так определяют первый долг человека и пророки; у Иеремии Бог напоминает Израиль, что в день исхода из Египта Он дал ему *одну* заповедь: «слушайтесь гласа Моего» (XI, 7). Зачем Богу нужно признание человека?—Но так нужно, что, по смыслу Ветхого Завета, Бог исключительно поглощен этой заботой—привести человека в покорность Себе. Он чудесно вывел Израиль из Египта, «чтобы сделать Себе имя великим и страшным делом,—прогнанием народов от лица народа Твоего, который Ты избавил из Египта» (I Паралип XVII, 21). Этими чудесами Он хотел приобрести любовь

и страх прежде всего самих евреев,—но также и египтян и вообще всего человечества: «ожесточи сердце Фараона—и покажу славу Мою на Фараоне и на всей войске его; и познают египтяне, что Я Бог» (Исх. IV, 4, 17—18). Он собственно для того и избрал Израиль своим народом, чтобы им прославить имя Свое; эта древняя мысль, выраженная уже во второй Книге Царств (VII, 23), была только развита Второисаией: «Ты раб Мой, Израиль,—в тебе Я прославлюсь»; «Этот народ Я образовал для Себя; он будет возвещать славу Мою» (XL III 21, XL IX 3, 6). Ему нужно, «чтобы всякая плоть узнала, что Он—Господь» (там же XL IX 26), чтобы всякий человек знал и помнил, что всецело подвластен Ему. Все его помыслы сводятся к одной этой цели, и все, что Он делает, должно служить лишь Его славе. Так и молится Ему человек: «спаси Меня ради славы Твоей», т. е. для того, чтобы другие люди, увидав Твое могущество, проявленное на мне, признали и боялись Тебя. Неверие людей мучает Его несказанно; он сгорает нетерпением, изнуруется в усилиях научить их, принудить, чтобы помнили о Нем и Его всемогуществе, изобретает все новые и новые средства к вразумлению их и не брезгает никаким. И

так как Он по природе бурен и неистов, то Он добивается своей цели страстно и раздражительно, вечно язвимый болью обид. Его кары за непризнание ужасны,—нет меры его жестокости. За малейшую непокорность—смерть, или казнь страшнейшая смерти. По его велению истребляются мечом тысячи невинных людей, в том числе и женщины и дети, не только в городах, провинившихся ослушанием Его воле, но и в тех, которые Израиль нашел в обетованной стране: «И порази́л Иисус всю землю нагорную и полуденную, и низменные места и землю, лежащую у гор, и всех царей их: никого́ не оставил, кто уцелел бы, и все дышащее предал закланию, как повеле́л Господь Бог Израилев» (Иис. Нав. X 40)—только для того, чтобы язычники, уцелев в завоеванной стране, не отвращали евреев от Бога. Библейская летопись спокойно рассказывает, о чем мы теперь не можем читать без содрогания,—как жена Иероваама, когда заболел их сын, отправилась к пророку в Силом спросить, что будет с мальчиком, и Бог чрез пророка ответил ей, что за нечестие Иероваама, за то, что он сделал себе литых богов, а Его, истинного Бога, забыл, Он истребит дом Иероваама и жестоко накажет весь народ, и сын

ея умрет, едва она вернется домой. И пошла несчастная мать назад из Силома в Иерусалим,—какой страшный путь, какое знание в памяти!—и как только переступила порог своего дома, дитя умерло (3 Цар. XIV). Так неистово Он жаждет и домогается признания.

VIII.

А человек от природы своеволен и самонадеян. Он вовсе не склонен ни верить Богу, ни повиноваться Ему, напротив, верит только чувственной очевидности, да памяти своего обобщенного опыта. Даже праведный Авраам иногда верит Богу, иногда нет; на прямое обещание Бога, лицом к лицу, что у него будут потомки, он отвечает смехом: неужели от столетнего будет сын? Зато как радуется Бог, когда человек поверит Ему! Тот же Авраам раньше поверил словам Бога, что от него произойдет многочисленное потомство,—и сказано: «Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность» (Быт. XV 6). Когда же человек не то, что исполнит, но даже только выразит готовность исполнить Его веление,—Бог доволен выше всякой меры и осыпает человека всеми земными благами; «теперь Я знаю,—говорит Он Аврааму, удер-

живая его руку, занесшую нож над отроком Исааком, чтобы заклать его,—теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня...», и «Мною клянусь, что так как ты сделал дело сие..., то Я благословляя благословляю тебя и умножая умножу семя твоё... и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Быт. XXII 12, 16—18). Сплошь и рядом человек, прежде чем поверить предвещанию Бога, требует вещественного знамения; так и Авраам сперва поверил, а потом усомнился: почему мне узнать, что я буду владеть этой землею?—и Бог не побрезгал подтвердить свои слова знамением. Он до такой степени привык к человеческому неверию и так дорожит доверием человека, что нередко готов идти на унижение. Гедеон, призванный Богом на спасение Израиля, прежде чем выступить в бой, требует у Бога обеспечения: если Ты точно хочешь моей рукой спасти Израиль, то докажи мне это: я растелю на гумне стриженную шерсть, и пусть за ночь роса падет только на шерсть, а на земле пусть будет сухо. — Бог так и сделал; земля была суха, а из шерсти Гедеон выжал целую чашу воды. Но Гедеон не удовлетво-

рился одним чудом—потребовал на следующую ночь обратного чуда, и Бог не разгневался на него за маловерие, смиренно исполнил его желание: во второе утро шерсть была суха, а на всей земле была роса (Суд. VI 36—40). Доходит до того, что Бог даже сам предлагает человеку знамение. Бог чрез Исаию сделал предсказание царю Иудейскому Ахазу, и в доказательство предлагает ему просить себе любого знамения. Ахаз из вежливости отказывается: «не буду просить и не буду искушать Господа»; Исаия даже рассердился: «Слушайте, дом Давыдов, разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего? Итак, Сам Господь даст вам знамение» (Исаия VII 10—14). В другой раз случилось, что Езекия, смертельно заболев, взмолился к Богу, и Бог велит Исаии сказать ему, что продлит его жизнь еще на пятнадцать лет и спасет его от руки царя Ассирийского. Передав Езекии это предвещание, Исаия добавил: «И вот тебе знамение от Господа, что Господь исполнит слово, которое Он изрек. Вот я возвращу назад на десять ступеней солнечную тень, которая прошла по ступеням Ахазовым. И возвратилось солнце на десять ступеней по ступеням, по которым оно

сходило». Так рассказано это событие в книге пророка Исаии (XXXVIII 7—8); еще характернее версия, сообщаемая 4 Книгою Царств (XX 8—11): Езекия сам попросил знамения, и Исаия предложил ему на выбор: вперед ли пойти тени на десять ступеней, или вернуться на десять ступеней, на что Езекия отвечает: «легко тени подвинутся вперед на десять ступеней; нет, пусть воротится тень назад на десять ступеней». Какое оскорбительное недоверие! Мало того, что требует доказательств, но еще смотрит на пальцы, не передернет ли карт.

Но Бог, как сказано, нуждается в человеке, и эта роковая зависимость лишает Его свободы действий; он принужден быть уступчивым, что при Его вспыльчивом нраве стоит ему немалых усилий. К тому же, и это хуже всего, человек сумел подглядеть тайну Бога, т. е. за тысячи лет до Шопенгауэра узнал с полной достоверностью, что Бог нуждается в нем. А это знание содержит в себе два знания: во-первых, что Бог никогда не истребит человечества в целом и даже принужден щадить жизнь отдельного грешника, так как уничтожением человека нанес бы ущерб себе самому; во-вторых, что человек может купить помощь

Бога, отдавая Ему то, что Ему так жизненно нужно: почет и послушание. Он даже не стесняется без обвиняков заявлять это в лицо Богу: ты сам заинтересован в том, чтобы я остался жив. «Обратись, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей, ибо в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя?» (Псал. 6). «Что пользы в крови моей; когда я сойду в могилу? будет ли прах славить Тебя, будет ли возвещать истину Твою?» (Псал. 29). «Открой очи, посмотри, потому что не мертвые в аде, которых дух взят из внутренностей их, воздадут славу и хвалу Господу» (Варух II 17). Моисей молит Бога, разгневанного буйством Израиля: не истреби народ сей, иначе чужие народы станут дурно думать о Тебе — что Ты оказался не в силах ввести его в обещанную страну и оттого погубил его в пустыне (Числа XIV 15—16, Второз. IX 28), и Езекия молится: спаси нас от руки Сеннахерима, и узнают все народы земли, что Ты—единный Бог (Исаия XXXVII 20). Точно таков и смысл всякого обета: если хочешь получить почет, который Тебе так нужен, то вперед помоги мне, а не можешь—не окажу почета. «И положил Иаков обет, сказав: если Бог будет со мною и со-

хранит меня в пути сем, в которой я иду, и даст мне хлеб есть и одежду одеться, и я в мире возвращусь в дом отца моего, и будет Господь моим Богом,—то этот камень, который я поставил памятником, будет (у меня) домом Божиим; и из всего, что Ты даруешь мне, я дам Тебе десятую часть» (Быт. XXVIII 20—22); «И дал Иевфай обет Господу и сказал: если Ты предашь Аммонитян в руки мои, то по возвращении моем с миром от Аммонитян, что выйдет из ворот дома моего навстречу мне, будет Господу, и вознесу сие на всесожжение» (Суд. XI 30—31).

Такую власть имеет человек над Богом в силу своей врожденной свободы. Но и Бог обладает могущественным оружием против человека. Как властелин всех материальных сил, действующих в мире, Он чрез них—чрез материальные явления, определяющие бытие человека,—легко может воздействовать на его свободную волю и принуждать ее к покорности. Следовательно, человек в такой же мере зависит от Бога, в какой Бог зависит от человека. Их отношения между собою основаны на взаимной корысти и взаимном насилии: Бог, чтобы исполнить свое неисповедимое назначение, должен во что бы то ни

стало принудить человека к покорности; человек, чтобы прожить, должен заставить Бога служить себе. Отсюда естественно развивается планомерная стратегия Бога по отношению к человеку. Предметом спора является изначально-свободная воля человека, арена же борьбы—человеческое тело, так как Бог только чрез тело человека, чрез материю, изначально покорную Ему, может обуздывать его волю. Но в человеке есть посредник между его телом и волею: разум, который учитывает восприятия тела и, обобщая их в аналогии, т. е. в предвидении, им остерегает волю. Итак, Бог непосредственно воздействует на тело, чрез его посредство на разум, и чрез посредство разума — в конечном счете на волю; воздействием на тело Он вразумляет волю. Если же, как нередко бывает, Он обращается прямо к разуму человека, то лишь затем, чтобы оживить в разуме воспоминание о прежнем телесном опыте и тем побудить его к воздействию на волю.

IX.

Чудовищная мысль о взаимной корысти, которою связаны Бог и человек, так глубоко укоренилась в народном сознании евреев, что

породила естественный плод, еще более чудовищную идею формального договора между Богом и человеком. Где двое равно нуждаются друг в друге, там можно предотвратить борьбу лишь уговором о взаимной дани. И вот Бог и человек заключают между собою союз: Бог обязывается благоустроить жизнь человека на земле в той мере, в какой человек будет чтить Его, как своего единого владыку и исполнять Его волю; пока человек верен своему обязательству, он вправе рассчитывать на преуспевание, в противном случае он не только лишается опеки, но Бог, разумеется, не преминет пустить в ход все материальные средства, чтобы принудить его к исполнению договора.

Легко понять, насколько выгоднее положение Бога в этом союзе: его воля целна, нераздельна, так как Он ищет одного — покорности человека; поэтому у Него нет соблазна изменять договору, разве только изредка не доглядит или забудет. Напротив, человека раздирают два противоположных стремления: он жаждет сразу и свободы, и благоденствия, но благоденствие дается ему только за отказ от свободы, — оба вместе недостижимы, одно исключает другое. И вот он мечется между

Сциллою и Харибдой: то увлекается жаждой свободы, и тотчас подпадает телесной каре Бога, то упбется земными благами, но в следующий миг взалкает свободы чего бы она не стоила, и так без конца, кидаясь из крайности в крайность. Мудрость опыта учит его уступать понемногу и в одном, и в другом; он не в силах отказаться ни от одного из своих желаний — остается примирять их, согласовать в количестве. Но как дорого стоит сердцу взвешивать и мерить бесценные блага, урезывать свою свободу, чтобы снискать немного счастья, и ограничивать свое благоденствие, чтобы сохранить хоть тень свободы! Трудная и тонкая работа жизни! Бог знает, что человеку трудно, и потому часто дает ему поблажки, прощает грех или казнит лишь в половинной мере.

Договор между Богом и человеком — основной столп библейского вероучения. Дело не меняется от того, что Бог Ветхого Завета заключает договор не с отдельными людьми, а с целым народом, со своим избранным народом Израилем; в этом представлении сказалась глубокая мысль о круговой поруке, объединяющей всякую естественную группу людей в их поведении, мысль о неотразимой

заразительности хорошего и дурного примера в замкнутом обществе, о нравственной ответственности каждого за всех и всех за каждого. Народный договор с Богом полностью разлагался на отдельных людей, так что, терпя бедствие за общий грех, отдельный человек был не в праве роптать, и тем не менее каждый считал себя еще и лично в договорных отношениях с Богом. Когда Езекия, смертельно заболев, молится Богу: «вспомни, что я верно ходил пред Тобою и делал угодное Тебе» (4 Цар. XX 3), — он этим хочет сказать: я исполнял свое обязательство, почему же Ты не исполняешь твоего? Так и Иеремия хочет «судиться» с Богом, спрашивает у него отчета о «правосудии»: почему путь нечестивых благоуспешен и вероломные благоденствуют (Иер. XII 1—2). Но коренной догмат Библии — идея всенародного поручительства перед Богом.

Самый договор между Богом и народом Израилем легенда возводила именно к такому простому зерну — к соглашению, которое Бог заключил с родоначальником Израиля, Авраамом. Отличив Авраама между людьми за его праведность, Бог «поставил завет» между ним и Собою: я распложу тебя, — сделаю тебя

отцом многих народов и дам тебе и твоим потомкам землю Ханаанскую — с тем, чтобы ты и твои потомки признавали Меня своим Богом. Знамением этого завета Бог положил обрезание (Быт. XVII). Авраам принял договор за себя и свое потомство: обрезал в тот же день себя и всех своих домочадцев мужского пола. Так был установлен на вечные времена союз между Богом и Израилем. За этим первым, начальным актом соглашения, естественно должен был последовать второй: когда потомство Авраама размножилось до размеров народа, в тот момент, когда, по выходе из Египта, этот народ впервые предстал перед миром как коллективная личность, готовясь вступить в самостоятельную жизнь, Бог захотел торжественно и в более определенной форме подтвердить Свой вечный завет с ним. На горе Синае, среди громов и пламени, при звуке трубном, Он явился народу и чрез Моисея объявил ему свои заповеди подробно; Израилю предоставлялось решить: желает ли он исполнять эти веления Бога? если обещает свято блюсти их, Бог обязывается с своей стороны опекать его на всех путях его. Народ, выслушав переданное ему Моисеем, единогласно обещал: «все, что

сказал Господь, исполним». Тогда Моисей записал все слова Бога в книгу завета и прочитал ее вслух народу, и народ снова подтвердил свое обещание, после чего Моисей формально закрепил договор всесожжением, окропив народ жертвенною кровью. Впоследствии, гласит предание, договор между Богом и Израилем был не раз подтверждаем после тяжких отпадений Израиля или на пороге его новых судеб. Доведя евреев до Иордана, Моисей по слову Господа должен был умереть. За сорок лет странствования в пустыне вымерло все поколение, к которому Бог говорил с Синая, и обновленный народ готовился теперь под руководством нового вождя вступить в обетованную землю, чтобы осесть на вечные времена. В этот решающий час Моисей счел нужным напомнить народу тот договор. Он созвал весь Израиль, от старейшин и начальников колен до дровосеков и водоносов, с женами и детьми, изложил им содержание завета или «клятвенного договора», который заключает с ними Бог в сей день, «дабы сделать тебя сегодня Его народом, и Ему быть тебе Богом»: жизнь и благоденствие за повиновение Богу, проклятие и гибель заслушание,—и призвал во свидетели небо и

землю, и записал слова завета в книгу, чтобы Израиль впоследствии не мог отречься от договора (Второз. XXIX). И снова, после того, как Израиль утвердился в Ханаанской стране, Иисус Навин пред своей смертью созвал народ, напомнил ему великие дела, которые сделал для него Господь с тех пор, как вывел его из Египта, и в заключение предложил ему на выбор: хочет ли он служить Богу, или хочет служить языческим богам. Весь народ отвечал: будем служить Богу нашему и голоса Его будем слушать. Тогда Иисус заключил договор с народом, и вписал договор в книгу, и, положив большой камень под дубом, сказал народу: этот камень слышал наш уговор; да будет же он свидетелем против вас, если вы нарушите ваше обязательство пред Богом (Иис. Нав. XXIV).

Такова легендарная история договора. Она сложилась, разумеется, поздно, с целью обосновать и укоренить идею договора в прошлом Израиля. Построенный преданием перевернутый конус проходит чрез всю толщу еврейской истории до ее начатков, до прародителя Авраама; сверху—широкое национальное основание, а острие скрыто в темной глубине истории, — лишь точка: договор Бога

с одним человеком. На верхнем, широком основании легенды можно было строить уверенно.

Впервые договор между Богом и Израилем был заведомо провозглашен на восемнадцатом году царствования Иосии, т. е. около 623 года. Задумав религиозную реформу, которая должна была устранить мощные еще следы язычества и окончательно упрочить культ Иагве, Иосия и его единомышленники прибегли к хитрости, с целью исторически оправдать преобразование: был распушен слух, что первосвященник нашел в храме старинную книгу, содержащую в себе завет, данный Богом Израилю чрез Моисея. Вслед затем Иосия велел созвать всех жителей Иудеи и Иерусалима, от мала до велика, и прочел им вслух ту вновь будто бы найденную книгу, потом стал на возвышение и от имени всего народа, по словам летописи,—«заключил пред лицом Господним союз — следовать за Господом и соблюдать Его повеления, заветы и законы от всего сердца и от всей души, чтобы тем выполнить слова союза, написанные в этой книге. И весь народ вступил в союз» (4 Цар. XXIII 3). Второй раз в историческое время договор заключил Эзра по воз-

вращении евреев из вавилонского плена: пред собранием всего народа он напомнил о союзе, который Бог заключил с Авраамом, потом с Моисеем, была вслух прочитана Моисеева Книга Закона и затем составлен формальный писанный договор, который старейшины и священники скрепили своими подписями и печатями, а весь остальной народ устно заявил, что присоединяется к подписавшим и принимает клятвенный обет соблюдать все заповеди Бога, как они написаны в книге Моисея (Неемия VIII—X).

Так чрез весь Ветхий Завет, от его древнейших частей до книг поздних пророков, проходит неизменная мысль — что отношения между Богом и человеком основаны на формальном договоре; сотни и сотни раз Библия возвращается к факту договора, некогда заключенного Богом и Израилем, и сотни раз пророки, укоряя народ и его вождей, ставят им на вид нарушение того договора.

Х.

Глубокая система познаний воплотилась в идее этого договора совершенно так, как необозримо-сложная физиология организма облекается в простую наружность твари. С

виду договор прост, гладок и тверд, как тело животного или ствол дерева. Он весь сводится к одному условию; Бог говорит: *повинуйтесь Мне в духе, и Я дам вам телесное благополучие, иначе — нет.* Эта сжатая формула содержит в себе весь смысл соглашения. Полный текст договора только раскрывает ее в подробностях (Левит XXVI, Второз. XXVIII).

Вот выбор: отречься от своей воли, и за то получить благоденствие, или сохранить своеволие — и знать себя обреченным на голод, холод, болезни, порабощение. Простой и неотменный закон, ужасный, как рок; он иглою пронзает разум и на всю жизнь вжигает в память огненную печать. И так на всякой странице Писания: «Я, Господь Бог ваш, наказывающий (даже) детей за вину отцов, ненавидящих Меня, и творящий милость любящим Меня и соблюдающим Мои заповеди» (Второз. V 9—10); «взыщите Меня — и будете живы» (Амос V 4,6); «если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас» (Исаия I 19—20).

Ничего не может быть проще этого учения; собственно не более, как один силлогизм. Кто есть подлинный Бог? Тот, который полно-

властно распоряжается всеми материальными силами мира. Что делает Бог? Он направляет деятельность материальных сил неизменно к выгоде своих верных и во вред противящихся Ему. Итак, будь верен Богу для того, чтобы хорошо тебе было на земле.

Крепче всего в жизни ветхозаветные люди помнили, что Бог помогает верующим в Него; и с каким честным простодушием, с какой детской наивностью они исповедовали это знание! Когда Амасия, царь Иудейский, победив идумеян, принес к себе идумейских богов и стал поклоняться им, пришел пророк к нему и сказал: зачем ты прибегаешь к богам этого народа, которые не избавили своего народа от твоей же руки (2 Парал. XXV 14—15)? Ахаз, потерпев поражение от сирийцев, теснимый еще и филистимлянами и идумеянами, в отчаянии своем обратился к дамасским богам, рассуждая так: «боги сирийских царей помогают им; принесу я жертву им, и они помогут мне» (2 Парал. XXVIII 23). В 458 году Эзра получил от Артаксеркса разрешение вывести из Вавилона остававшихся еще там в плену евреев назад в Иудею; и вот он рассказывает: во время переговоров мы сказали царю, что по нашей вере Бог благодетельствует прибегаю-

щим к нему и обращает свой гнев только на оставляющих Его; после этого, — продолжает Эзра, — *мне было уже стыдно* просить у царя воинской стражи для охраны нашей в пути, и я назначил пост, чтобы испросить у Бога благополучного странствия (1 Кн. Эзры VIII 21—22). Как твердо надо было верить, чтобы одной силой духа поднять такой тяжелый риск, отвергнув земную помощь! С Эзрой было несколько тысяч человек, женщины и дети, и путь предстоял далекий, чрез многие страны и опасности.

Отсюда развивается стройная философия истории, проникающая весь Ветхий Завет. Почему еврей вправе и даже обязан верить, что его Бог — единственный подлинный Бог? Потому, что Его подлинность неопровержимо доказана чудесами, которые Он совершил, выведя Израиль из Египта. Он сумел совершить неслыханное: освободить евреев, чудесно прокормить их сорок лет в пустыне, даровать им победу над многими сильными народами и водворить их в стране, текущей молоком и медом. Он сумел, а боги тех народов ничего не сумели сделать для них: вот доказательство Его подлинности; и вот почему история исхода так обильно изукрашена в Библии

чудесами, вот почему и летописцы Ветхого Завета, и пророки чрез каждые десять строк твердят Израилю, до назойливости, одну формулу: «Бог отцов ваших, который вывел вас из Египта»; т. е. вы должны верить в Него, потому что Он — истинный Бог, как Он доказал вашим чудесным изведением из плена египетского.

Время неустанно текло назад волнами лет поколения сменялись вереницей, но неизменно оставалась та истина. На протяжении веков отец передавал сыну беззаветную веру в закон возмездия. Этот закон представлялся еврею естественным законом и самым непогрешимым из всех естественных законов, действующим почти автоматически: за веру в Бога—земное благоденствие, за неверие—земная невзгода. К *девятому* веку ученые относят так называемую «Книгу Союза», Исход гл. 21—23, где сказано: «Если будешь слушаться гласа Моего и исполнять все, что скажу тебе, то врагом буду врагов твоих, благословлю хлеб твой и отвращу от вас болезни»; и в книге «Иудиф», составленной во *втором* веке, твердой рукою начертана та же формула: ты спрашиваешь, победим ли мы евреев, говорит Олоферну один из его советников: ответ не-

труден; если в настоящее время они грешны пред своим Богом, то мы легко одолеем их, если же они верны своему Богу и нет в них беззакония, то лучше тебе удалиться от их границ, потому что их Бог несомненно защитит их и мы станем тогда предметом поношения для всей земли (Иуд. V 20—21).

Подлинный Бог силен помогать, и еврейский Бог чудесами исхода доказал свою подлинность; а ложные боги—не помогают, бессильны в материальном мире; этим и доказывается их ложность. Когда евреи идолопоклонством навлекают на себя гнев Божий и кару, Бог саркастически говорит им: где же ваши боги, твердя, на которую вы наделись, которые ели тук ваших жертв и пили вино ваших возлияний? пусть они встанут и помогут вам, пусть будут для вас покровом! Видите теперь, что это — Я, Я — и нет Бога кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от Моей руки (Второз. XXXII 37—39). Самуил увещевает народ: «не обращайтесь вслед ничтожных богов, которые не принесут пользы и не избавят, ибо они — ничто» (1 Цар. XII 21); и Иеремия неустанно твердит: зачем вы променяли славу свою на то, что не помогает

(II 11), зачем поклоняетесь богам, которые не помогают? (II 8),—и настойчиво приводит им на память все то же историческое свидетельство подлинности их Бога — чудеса исхода: «...Господь, который вывел нас из земли Египетской, вел нас по пустыне, по земле пустой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной, по которой никто не ходил и где не обитал человек,—и ввел нас в землю плодородную, чтобы мы питались плодами ее» (II 6—7).

Религия, философия истории и житейская мудрость—все заключено в одной этой истине. История народа и ежедневный опыт равно внушают: верь в Бога и повинуйся Его воле, ибо Он всесилен. Надо верить просто потому, что это выгодно. Пророки любили изображать союз Бога с Израилем, как брачный союз: Бог—муж, Израиль—его жена, часто изменяющая Ему с любовниками, т. е. с чужеземными богами. И вот Осия рассказывает: Израиль говорил: пойду за моими любовниками, которые дают мне хлеб и воду, шерсть и лен, елей и напитки,—ибо он не знал, что все это дает ему Бог, а не те ложные боги, которые вообще ничего не могут дать; за это Бог накажет Израиля; кинется Израиль искать своих любов-

ников, но не найдет их, и тогда скажет: «пойду я и возвращусь к первому мужу моему (т. е. к истинному Богу), ибо тогда *лучше* было мне чем теперь» (Осия II 5—8). О любви к Богу, нет и помина, но благоразумие заставляет жену вернуться к старому мужу, потому что он один способен защитить и кормить. Сам пророк не говорит о любви: он советует только покориться. И всюду, где пророки говорят об истинном брачном союзе Бога с Израилем и о прелюбодейных изменах Израиля (напр. Иерем. III и особенно Иезекииль в великолепной 16-й главе), они увещевают его только во имя благодарности за прошлые дары, да ради материальной же выгоды в настоящем. Казалось-бы, естественно было пророку спросить себя: на протяжении веков и доньше не было дня, нет часа, когда-бы Израиль не изменял своему Богу; какая-же неодолимая потребность чувства побуждает его беспрестанно блудодействовать с чужими, ничтожными богами? Но они не спрашивают об этом; очевидно, чувственная сторона явления, эта жажда свободы от Бога, им тайно понятна: психологически иначе не может быть; они говорят только: тебе дан разум,—будь же рассудительна, сдержи свою страсть,

останься верна мужу, чтобы не впасть в бедность и рабство.—Они знали, что не в природе человека любить *такого* Бога. Когда в ответ на вопрос Иисуса Навина народ единогласно заявил, что будет верно служить Богу,—Иисус сказал: нет, не достанет у вас сил служить Ему, ибо Он — Бог ревнитель; но да поможет вам разум: помните, что если вы оставите Его, — Он наведет на вас зло и истребит вас (Иис. Нав. XXIV 19—20).

XI.

Как могла родиться в человеческом уме такая чудовищная мысль? Кому теперь придет на ум, что существует прямая причинная связь между его метафизическими убеждениями и нашествием врагов на его отечество или нападением саранчи на его поле? А три тысячи лет назад и много раньше и позже все культурное человечество — не одни евреи — было твердо убеждено, что непреложное и наглядное этой зависимости нет явления в мире. В Луврском музее стоит древнейший памятник из найденных в Ханаане — камень моавитского царя Меша, IX века, где этот царь-язычник сообщает, что его страна долго томилась под игом Израиля, «ибо Камош (глав-

ный бог моавитян) гневался на свою страну» он же, Меша, силою оружия вернул Моаву независимость и в ознаменование своих побед над Израилем воздвиг храм Камошу в Кархе, «высоту спасения, так как он спас меня от всех врагов и показал мне гибель всех моих недругов». Так верили и ассириане, и египтяне, и индусы, так верит сейчас кафр и фиджиец, и в наших культурных странах ту-же веру исповедует доньне вся непросвещенная масса. Ужели же только невежество и глупость?

Но вспомним, во что обходилась людям эта вера. Легко современному человеку исповедовать материализм или спиритуализм: его убеждение есть только мысль, оно слабо определяет его практическую жизнь, а главное—не требует от него жертв. Те люди оплачивали свою веру дорогой ценой, потому что их вера совпадала с их жизнью, была ничем иным, как техникой их жизни. Все неисчислимы жертвы — страшные жертвы,— какие на протяжении тысячелетий человечество приносило божеству, были вынуждены убеждением в верности того закона. О том же моавитском царе Меше Библия рассказывает, что потерпев тяжкое поражение от соединенных израиль-

ско-иудейских сил и осажденный ими в своей последней крепости, он в последнюю минуту взял своего сына-первенца, который должен был царствовать после него, и вознес его во всесожжение на стене, чтобы умиловить своего Бога Камоша (4 Цар. III 27). И когда ныне в сухое лето крестьяне приходят к священнику и, долго поторговавшись, вынимают кошель, чтобы уплатить каждый свою часть за молебствие о дожде, или когда бедная старуха покупает и затепливает в церкви свечку, они своими жертвами подтверждают неизблемость той истины, перешедшей к ним от отцов и дедов. Человек всегда был практичен и скуп, не склонен тратить даром, и если жертвовал, то за верную прибыль, а миллионы и миллионы людей жертвовали Богу щедро, не жалея и лучшего своего достояния, жертвовали крупно и по мелочам изо дня в день, кровью, и трудом, и тем, что, может быть, всего дороже человеку, — ежечасным хотением и помыслом своим. Такая волевая вера очевидно коренится не в отвлеченном мышлении; на жертвенность может подвигнуть человека только уверенное знание, которое воспринимается, как безошибочный расчет, следовательно, знание, прочно основанное на

опыте. Очевидно далекие предки в своем житейском опыте подметили действие того закона, как неизменно повторяющееся явление, — причинную связь между верою в божество и земным благосостоянием человека, — и, очевидно, знание это, переходя от поколения к поколению, проверяемое в опыте миллионами страстно заинтересованных сознаний, все снова и снова подтверждалось, отчего послушание божеству являлось уже непреложным ручательством за удачу в делах, и жертва — безпроигрышной ставкой. Нам не пристало смотреть свысока на такое существенное знание. Темная мудрость тех веков разумеется далеко уступала современной науке в достоверности; но она была целостна, не расчленена на самостоятельные ряды познаний, и потому содержала в себе без сомнения глубочайшие прозрения и догадки о строе вселенной, забытые нами за четкостью отдельных научных законов. Одной из таких догадок была, конечно, та вера в материальное возмездие божества. Она кажется нелепой, — но раскроем ее смысл — не окажется ли он сотканным из тех же нитей чувства и мышления, какия во все времена неизменно тклет человеческий дух? потому что те люди чув-

ствовали и мыслили, разумеется, не иначе, чем мы.

XII.

Из кипения жидкости — твердая кора, и улитка облекается в известковые отложения своего панциря; так горячие переживания отдельных людей, их страстные и зоркие наблюдения, их предчувствия и домыслы, с веками, сливаясь во всенародном кипении, отлагают твердый догмат, формулу веры, как бы замыкаются в удобную для практических целей скорлупу, которую легко передать и спрятать. Такова формула еврейской веры. Четыре страшных бича в руке Бога, четыре казни посылает он на людей за нечестие: меч, голод, лютых зверей и моровую язву (Амос IV 6—11, Иезек. XIV 21, 13—19). Подвигнутый Его велением, ополчается иноплеменник на преступный народ и Его силою одолевает. «Если он согрешит,—говорит Бог,—Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих» (2 Цар. VII 14). Когда Сеннахерим, ассирийский царь, прошел победителем по земле иудейской, разрушая города и пленяя жителей, Бог устами Исаии говорит как бы лично ему: «разве ты не слышал, что я издавна сделал это, в древние дни предна-

чертал, а ныне выполнил тем, что ты опустошаешь укрепления города, превращая в груды развалин?» (4 Цар. XIX 25). «Вот—говорит Бог,—Я сотворил кузнеца, который раздувает угли в огне и производит орудие для своего дела,—и Я творю губителя для истребления» (Второисаия LIV 16). Ассур—жестокость Божья (Исаия X 5—6), бритва в руке Бога, нанятая по ту сторону реки (Исаия VII 20), секира, которою он рубит, пила, которою он пилит, палка, которою он бьет (Исаия X 15). Наоборот, Кир, освободитель евреев из вавилонского плена,—благотворное орудие в руке Бога, исполнитель Его велений, «орел, призванный им с Востока», чтобы покорить ему народы ради Иакова и Израиля (Второисаия XLV I и д., XLVI 11, XL VIII 15). Так и писали библейские летописцы историю своего народа. Уже в песне Деборы, древнейшей части Ветхого Завета,—по мнению ученых, 13-го века,—сказано: «Избрали новых богов, оттого война у ворот» (Суд. V 8). И такова стереотипная формула: «Сыны Израилевы продолжали делать злое пред очами Господа.... И воспылал гнев Господа на Израиля и Он предал их в руки Филистимлян и в руки Аммонитян» (Суд. X 6—7); «Сыны Израилевы стали опять делать злое пред очами Господа,

и предал их Господь в руки Маданитян на семь лет» (Суд. VI 1); «И возгорелся гнев Господа на Израиля, и он предавал их в руку Азаила, царя Сирийского, и в руку Венадада, сына Азаилова (4 Цар. XIII 3); так на каждой странице Хроник. Когда нет под рукой врагов, Он кинет на виновных хоть зверя; язычники, которых ассирийский царь поселил в Самарии на место уведенных в плен евреев, конечно «не чтили Господа»,—и вот «Господь посылал на них львов, которые умерщвляли их» (4 Цар. XVII 25). Он посылает засуху на поля нечестивых, так что за грех человека терпит земля и вся бессловесная тварь; саранча, черви, жуки и гусеница—«великое войско Господа», которое Он посылает на безбожный народ (Иоиль II 25). Осия твердо пророчествует, и не считает нужным пояснять свое странное пророчество: за то, что в Израиле больше нет ни истины, ни милосердия, ни богопознания,—«затовосплачет земля сия, и изнемогут все живущие на ней, со зверями полевыми и птицами небесными, даже и рыбы морские погибнут» (IV 3); Иеремия спрашивает Бога: «Долго ли будет сетовать земля, и трава на всех полях сохнуть? Скот и птицы гибнут за нечестие жителей ее» (XII 4),— и описывает, как растрескалась почва

от того, что давно нет дождя, как пересохли колодцы, лань рождает на поле и оставляет своих детей, потому что нет травы, дикие ослы с мутными от голода глазами стоят на высоких местах и подобно шакалам глотают воздух (XIV 4—6). Так же категорически утверждается и противоположное, т. е. положительное верование: если народ будет исполнять заповеди Бога и любить Его и служить Ему от всего сердца, то Бог даст ему дождь во-время, хлеба до-сыта и траву для скота, удержит хищных зверей от его земли и будет с ним против его врагов, так что пятеро прогонят сто врагов, а сто прогонят тьму (Второз. XI 13—15 и XXVIII, Левит XXVI 3—10). Осия пророчествует: когда евреи обратятся к Господу, Он заключит для них союз с полевыми звёрами и с птицами небесными и с пресмыкающимися; и лук и меч, и войну истребит с земли той, и даст им жить в безопасности (II 18); и Иоиль увещевает народ: пусть воззовет каждый к Господу, тогда пошлет им Господь хлеб, вино и елей, даст им дождя в меру, и удалит от них врагов; «не бойся, земля: радуйся и веселись, ибо Господь велик, чтобы совершить это; не бойтесь, животные, ибо пастбища пустыни произрастят траву, дерево принесет плод свой,

смоковница и виноградная лоза окажут свою силу» (Иоиль II 19—22).

Так утверждали те люди. Современный человек с удивлением спрашивает: неужели в этом диком веровании евреев есть разумный смысл?

XIII.

Но смысл есть, простой и глубокий. Он то и дело вспыхивает в Писании и местами, у пророков, разгорается ярко. Когда Иеремия (VI 19) называет пагубу, которую Бог посылает на евреев, «плодом их помыслов», когда Иисус Навин (XXIII 12 — 13) грозит Израилю: если не обратитесь от языческих народов, оставшихся среди вас, если будете вступать в родство с ними и ходить к ним и они к вам, то они станут для вас петлею и сетью, доколе не будете истреблены с этой земли, — то нам сразу ясно, как понимали те люди закон возмездия. Нет сомнения: в своей первоначальной, чистой форме, раньше, чем народное суеверие обросло его коростой, верование это было насквозь прозрачно: оно выражало не что иное, как дознанный в опыте и всепонятный психологический закон. Божья кара не сверху падает на грешника, — она за-

рождается в нём самом и восходит над ним, подобно тому, как испарения земной влаги скопляются над землею в грозовой туче. Кара — не чудо, но естественный плод духа, помраченного безбожием. Только вера в истинного Бога обеспечивает человеку душевное здоровье; благочестивый живет нормально, т. е. согласно с природою вещей; в нем все душевные способности действуют правильно; его глаз ясен и зорек, наблюдения точны, обобщения верны, он разумно судит и правильно решает, он как-бы верным чутьем поминутно угадывает должное и возможное, и потому его жизнь благоустроена, ему всюду сопутствует удача. Но только выпал из человека основной стержень духа — вера в Бога, — весь его душевный механизм расстроен: обуреваемый страстями, в непрестанной тревоге, он тщетно силится найти свой путь. Темные и судорожные чувства искажают его восприятия; у него есть глаза, но он не видит, есть уши — он не слышит, его опыт ложен, предвидения — бред, и всякий замысел направлен вразрез объективной возможности, т. е. на неудачу и гибель. Так отдельный человек, так и целый народ: человек в самом себе носит условия своей внешней доли. Не бойся, червь Иаков, мало-

людный Израиль, говорит Второсаия; пусть только весь народ обратится к Богу, — ты станешь острым молотилом, новым, зубчатым, будешь молотить и растирать горы, и холмы сделаешь, как мякину, будешь веять их, и ветер их разнесет (XLI 14—16); потому что Бог дает утомленному силу и изнемогшему крепость: «утомляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут и не устанут, пойдут и не утомятся» (XI 29—31). Так и Осия проповедует: «Обратись, Израиль, к Господу Богу твоему,— тогда, говорит Господь, Я буду росой для Израиля; он расцветет, как лилия, и пустит корни свои, как Ливан. Расширятся ветви его, и будет красота его, как маслины, и благоухание от него, как от Ливана» (XIV 6—7). Тот же закон душевного здоровья действует и отрицательно: лишь только народ в своем большинстве отвратится от Бога,—его неминуемо поражают психическое расстройство и немощь; он становится «как утренний туман, как роса, скоро исчезающая, как мякина, свеваемая с гумна, как дым из трубы» (Осия III 3); тогда «и у проворного нет силы бежать, и крепкий не удерживает крепости

своей, и храбрый не спасает своей жизни» (Амос II 14—15). А враг только того и ждал: такой народ, внутренне не спаянный верою, сборище деморализованных людей, «маломощных и трепещущих» (Исаия XXXVII 27), — лакомая добыча для завоевателей. Его расслабленность издали приманивает и ободряет врагов, как запах падали привлекает ястреба, как болезненный вид добычи внушает хищнику смелость напасть на нее. Безбожный народ — как трава на поле и нежная зелень, как порост на кровлях и опаленный хлеб (4 Цар. XIX 26, Исаия XXXVII 27); уже слышен шум вражеской рати, но им невдомек, «ибо огрубело сердце народа, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем» (Исаия VI 10), — а враг от края земли идет легко и скоро, «не будет у него ни усталого, не изнемогающего, ни один не задремлет и не заснет, и не снимется пояс с чресл его, и не разорвется ремень у обуви его, стрелы его заострены и все луки его натянуты, копыта коней его подобны кремню и колеса его, как вихрь» — он заревет как львица, схватит добычу и унесет, и никто не отнимет (Исаия V 26—29). Вот прямой смысл того

стиха в песни Деборы: «Избрали новых богов, оттого война у ворот» и той многократно повторяющейся формулы летописных сказаний: сыны Израилевы стали опять делать злое пред очами Господа, и предал Он их в руки филистимлян, или аммонитян, или мадианитян. И вот почему Бог неизменно твердит Израилю устами пророков: «Взыщите меня—и будете живы», или: «Погубил ты себя, Израиль, ибо только во Мне—опора твоя» (Амос V 4, 6, Осия XIII 9); потому что не одни нашествия врагов, но всякая житейская невзгода, по мысли Ветхого Завета, либо зарождается в расслабленности духа, либо только чрез нее становится пагубной (Иерем. XVII 5—8). Народ, бодрый верою, не даст хищным зверям размножиться в своей земле, не допустит оскудения рек, приспособится к временному бездождию и справится с недородом; в его стране пажити будут покрыты травой и тростник не засохнет, так что за благочестие жителей будет благословенна сама земля, и зверь и птица, и рыбы будут благоденствовать. Словом, ключ всех земных дел—в душе человека; история всецело определяется состоянием души человеческой, здорова ли она, живет ли по своему закону, или нет,—а это значит:

цел ли в ней, или выпал из нее ее главный стержень—вера в истинного Бога.

XIV.

Что же такое этот стержень души человеческой, что такое Бог и вера в Него? Первый псалом, тот, что начинается словами: «Блажен муж, который не ходит в совет нечестивых», ясно отвечает на эти вопросы. Он определяет веру чисто-психологически: верующий отличается от неверующего характером своей душевной жизни; в верующем душевная жизнь совершается закономерно; оттого всякое его чувство и всякий помысел существуют, плотны, конкретны, и все вместе располагаются в стройном порядке, почему и во-вне получается благообразие и удача. Там же, где нет веры, нет и духовной закономерности; чувства и мысли неверующего случайны, несущественны и нестройны, подобно беспорядочным грезам или мятущимся призракам. Вот это представление о нормальном состоянии верующего духа, сообщающем всей душевной жизни закономерность, выражено в первом псалме: «Благочестивый будет как дерево при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое и лист которого не

вянет; и во всем, что он ни делает, успеет. Не так нечестивые: они—как прах, взметаемый ветром». То же разумение веры вынесли пророки из глубин народного духа на свет сознания в полном согласии между собою.

Есть, говорят они, две правды: Божья правда, истинная, и человеческая, ложная; правда объективная, единая для всех, и субъективная, личная правда каждого отдельного человека. Праведность в том, чтобы жить по Божьей правде; праведность определяется так: «бояться Господа», «служить Ему», «слушать гласа Его», «ходить вследа Господа», «ходить пред Богом всем сердцем своим», «ходить пред лицом Его в чистоте сердца», «идти путями Господа», «делать угодное пред очами Его». Смысл всех этих терминов один: отречение от личной воли. Только это нужно Богу — самоотречение. «Вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим» (Второис. LXVI 2). Напротив, единый грех человека—жить по своей воле, «водиться своим духом» (Иезек. XIII 3) «идти по пути сердца своего» (Второис. LVII 17), «избрать собственные свои пути» (ibid. LXVI 3), «судить по взгляду очей своих и решать дела по слуху

ушей своих» (Исаия XI 3), «ходить по упорству сердца своего» (Иерем. IX 14); единственный, тягчайший, смертный грех, нестерпимый для Бога. Бог обещал Гедеону победу над мадианитянами; Гедеон выступил со всем войском, и Бог говорит ему: «народа с тобою слишком много, не могу Я предать мадианитян в руки их, чтобы не возгордился Израиль предо Мною и не сказал: «моя рука спасла меня»; и когда Гедеон по слову Бога отобрал из народа десять тысяч, Бог и это количество признал чрезмерным и велел произвести вторичный отбор, пока не осталось всего триста: «этими тремя стами спасу вас» (Суд. VII 2—7), и это была милость, что Бог остерег Израиль от неминуемой кары за грех самоуверенности, потому что за этот грех нет ни прощения, ни пощады. Ассирийский царь — жезл Божьего гнева, исполнитель Божьей кары,—но он мнит себя творцом своих дел; он говорит: «силою моей руки и моею мудростью я сделал это, потому что я умен: переставляю пределы народов, и расхищаю сокровища их, и низвергаю царей с их престолов, как исполин; моя рука захватила богатства народов, как гнезда; и как забирают оставленные в них яйца, так забрал я всю землю, и никто не пошевелил

крылом и не открыл рта и не пискнул». И вот, когда он совершит предназначенное, Бог скажет: «посмотрю на успех надменного сердца царя Ассирийского и на тщеславие высоко поднятых глаз его»; и скажет: «величается ли секира пред тем, кто рубит ею? пила гордится ли пред тем, кто двигает ею»? За эту дерзость Господь вложит свое кольцо в его ноздри и свои удила в его рот, и возвратит его назад тою же дорогою, какою он пришел, а потом накажет его страшной казнью, так что «от души до тела» ничего не уцелеет в нем (Исаия X 5—19, XXXVII 22—29). Устами пророка Софонии Бог грозит: Он со светильником осмотрит Иерусалим и выберет тех, которые сидят на своих дрожжах и говорят в сердце своем: «не делает Господь ни добра, ни зла»; за это Бог обратит их богатства в добычу и дома их в запустение (I 12—13).

Праведность, по мысли Ветхого Завета,— как бы инстинкт, врожденный человеку. Подобно тому, как аист под небом знает свои определенные времена, и горлица, и ласточка, и журавль наблюдают время, когда им прилететь, так человеку свойственно знать определения Бога (Иерем. VIII 7). Нормальное бы-

тие человека — верить в существование и во всемогущество Бога, уповать на Бога, а не на земные силы или собственную ловкость, мыслить всякую удачу или напасть явлением не слепой случайности или человеческого произвола, а Божьей воли, что они и есть. И так как верить — естественное состояние души человеческой, сообразное с ее природой, то верующий живет легко и просто, как дерево или птица. Вера твердо руководит его на жизненном пути; он не знает мук нерешительности, не колеблется в важных замыслах, выбирает сразу по верному чутью и непоколебим в своих намерениях. Оттого Исаия говорит: «Путь праведника прям; Ты уравниваешь стезю праведника», «твердого духом Ты хранишь в совершенном мире, ибо на Тебя уповает он» (XXVI 7, 3). Напротив, самоуверенный тщетно ищет прямого пути, нетвердо решает и меняет свои решения, пробует и отступает и беспрестанно старается поправить, «заповедь на заповедь, правило на правило, тут немного и там немного, так что они пойдут и упадут навзничь и разобьются и попадут в сеть и будут уловлены» (Исаия XXVIII 13), или, как говорит Второисаия: «Мудрость твоя и знание твоё — они сбили тебя с пути, ибо

ты говорила в сердце твоём: «я, и никто кроме меня» (XLVII 10).

Инстинкт веры врожден человеку, — но в такой же мере ему присущ, как мы знаем, противоположный инстинкт — личного самоопределения: та свобода выбора, решений и поступков, которая начиная с Адама непрерывно влечет его к богоотступничеству. Теперь пред нами открывается последняя глубина библейского учения. По мысли Ветхого Завета, Бог лично, как бы жизнью своею, заинтересован в том, чтобы человеческий род вполне и безвозвратно покорился Ему. И такова непреложная воля Бога, другими словами — таков предустановленный мировой закон: двоевластие двух начал в душе человека должно прекратиться, личность, как самостоятельная воля, должна угаснуть и стать лишь приемником и исполнителем Божьих велений. Это не значит, что человек должен уподобиться неодушевленному орудию: Бог сам вложил в него свободную волю, — только свободный он и ценен для Бога. Подобно тому, как хозяин приобретает плуги и боронь и волов, заступы, топоры и телеги, коней и коров, но над всеми ими ставит работника, который ими пахал бы землю, рубил лес и справлял

хозяйство, так Бог поставил человека над всеми своими созданиями разумным свершителем своих предназначений. По самой задаче Богу нужны в человеке напряженная воля, личный почин, гибкая приспособляемость—но только в пределах исполнения. Таким и должен стать человек—не самозваным хозяином, ставящим себе цели, но и не механическим орудием, а усердным и умелым исполнителем. Именно в этом смысле Второеисаия называет праведника «рабом Божиим»—*ebed*,— что в точном переводе обозначает «работающий на Бога».

XV.

Итак, судьба всего мироздания совершается в душе человека; оттого за людской грех гибнет в потопе вся тварь и каждый раз за ослушание Израиля терпят земля, звери и злаки. Но путь человечества, а вместе и путь всего мироздания предначертан: человек неотвратно идет от начального своеволия к самоотречению. Бог сильной рукой влечет его вперед; человек упирается на каждом шагу, хитрит и пьтится,— Бог бьет его нещадно, как тот, кто ведет за веревку и подгоняет бичем упрямого быка. История чело-

вещества есть в подлинном смысле педагогика. Космос, всецело определяемый в своей судьбе состоянием души человеческой, сам же, как создал ее для себя, так и воспитывает ее в должном направлении чрез общее обоим, чрез вещество, т. е. чрез тело, уча человека должному своим одобрительным «да», телесным благополучием, и своим гневным «нет» — болезнью, голодом, нашествием врагов. Эта идея всемирно-исторического обучения души с удивительной последовательностью проведена чрез Ветхий Завет. Библейская история Израиля есть один грандиозный миф, повествующий в образах о том, как Бог указаниями наставлял Израиль на правый путь, увещаниями и угрозами — чрез пророков — остерегал его от своеволия, как награждал в редких случаях послушания, а главное — как страшно казнил за беспрестанное отступничество.

Сперва учил любовно, наглядным способом: вся история исхода — ряд наглядных уроков. От Моисея у Него нет тайны, и он открывает Моисею свой план: я ожесточу сердце Фараона, так что он не согласится отпустить вас, и затем явлю над ним великие знамения, которые сломят его упорство, — а сделаю я так

для того, чтобы Израиль, видя эти чудеса, уверовал в Меня, «чтобы ты рассказывал сыну твоему и сыну сына твоего о том, что Я сделал в Египте, и о знамениях Моих, которые я показал в нем, и чтобы вы знали, что Я—Господь» (Исх. X 1—2); и вторично, и в третий и в четвертый раз ожесточает сердце Фараона—все с тою же целью, говоря Моисею: «не послушал вас Фараон, чтобы умножились знамения Мои и чудеса Мои в земле Египетской» (Исх. XI 9). Так Он педагогически «являя славу свою на Фараоне» (XIV 4, 17—18), и на первую минуту его расчет оправдался: «И увидели Израильтяне руку великую, которую явил Господь над Египтянами, и убоялся народ Господа и поверил Господу и Моисею, рабу Его» (XIV 31). Потом сорок лет ведет евреев по пустыне, непрерывно наставляя чудесами, и время от времени искушает—верят ли: дает им манну с условием запасать ее только на день, «чтобы Мне испытать его, будет ли он поступать по закону Моему, или нет» (Исх. XVI 4), как позже оставляет в Ханаане небольшое число язычников, «чтобы искушать ими Израиля: станут ли они держаться пути Господня и ходить по нему» (Суд. II 21—22, III 4). По тому же педагогическому плану вступление

Израиля в обетованную землю должно сопровождаться чудесами, о чем Бог предупреждает своего доверенного, Моисея: «вот, Я заключаю завет: пред всем народом твоим соделаю чудеса, каких не было по всей земле и ни у каких народов; и увидит весь народ, среди которого ты находишься, дело Господа»,—именно, Он даст Израилю победу над семью народами, из которых каждый многочисленнее и сильнее его (Исх. XXXIV 10—11, Второз. VII 1). Потом, уже при Иисусе Навине, Он продолжает творить чудеса над Израилем — переводит его по суку чрез Иордан и пр., все для того, «чтобы вы боялись Господа Бога вашего во все дни» (Иис. Нав. IV 24). И наконец, глубоко продуманный миф об исходе заключается общим выводом: «Спроси у времен прежних, бывших прежде тебя, с того дня, в который сотворил Бог человека на земле, и от края до края неба: бывало ли что-нибудь такое, как сие великое дело, или слышано ли подобное сему?»—знай же, что все это Бог сделал для того, «чтобы научить тебя», «чтобы ты знал, что только Господь есть Бог, и нет еще кроме Его» (Второз. IV 32—36), «помни же весь путь, которым вел тебя Господь Бог твой по пустыне, вот уже сорок

лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет. Он смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя маною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек. И знай в сердце твоём, что Господь Бог твой учит тебя, как человек учит сына своего. Итак, храни заповеди Господа Бога твоего, ходя путями Его и боясь Его» (Второз. VIII 2—6).

Так Бог с самого начала всей своей силою и всем помыслом влагается в учебное дело. Но и весь дальнейший рассказ Ветхого Завета продолжает тот же педагогический миф о воспитании Богом Израиля, где все превратности народной судьбы представлены как ряд уроков, наград и наказаний, которыми Бог-учитель ведет ученика; и пророки неизменно стараются внедрить в умы своих слушателей именно такое понимание истории.

В этом грандиозно-последовательном повествовании ярко очерчены два лица, чертами не стираемыми и красками не тускнеющими в веках,—два страдальца, изнемогающих в роковой борьбе: огненно-страстный, необузданно

гневный, нетерпеливый великан-учитель, обреченный во что бы то ни стало научить ученика сложному и трудному искусству, и крошечный ученик, упрямый и лукавый, равно обреченный научиться тому искусству, но ненавидящий и его, и учителя, и самую выучку. Этим учеником в Ветхом Завете представлен Израиль; и если Второзаконие в гениальном прозрении постиг судьбу своего народа, как всемирно-историческую миссию, то эта мысль (как и все мышление пророков) была лишь последовательным выводом из той философии истории, которая сложилась в еврействе задолго до него: Израиль—ученик Бога, но в школе много учеников; Бог избрал между ними Израиля, чтобы, научая его, учить его примером всех остальных, так что кары, которыми Бог учит Израиля, суть искупительные кары за все человечество, и некогда народы поймут это и скажут об Израиле: «он взял на себя наши немощи и понес наши болезни, а мы думали, что он был поражаем, наказуем и унижен Богом... Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу, — и Господь возложил на него грехи всех нас» (Исаия LIII 4—6).

XVI.

По учению Ветхого Завета мир всем своим составом движется к определенной цели, и движет его, влечет в своем восхождении человек. Мир зреет в человеке, он зреет по мере того, как человек научается слышать и осуществлять *его* непреложную волю, а не свою, субъективную; следовательно, мир зреет в каждом отдельном человеке, и я, отдельный, ответствен перед ним за своекорыстие мое, за нерадение о нем. Мир будет зрел, когда все люди станут его единым совокупным орудием, когда безвозвратно отрешатся от личного своеволия, не теряя однако каждый своей индивидуальной особенности. Мир сам ведет человека к этой цели, вразумляя и карая, но в пределе насилие и упрямство должны смениться согласием: человек добровольно отречется от своей воли. Этому уже теперь учит псалмопевец: «Не будьте, как конь, как лошак несмысленный, которых челоюсти нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорялись тебе» (XXXI 9). Так отец бьет и неволит сына, чтобы приучить его к своему торговому делу, но достигнет своей цели лишь тогда, когда сын всей душою

полюбит это дело. И Ветхий Завет твердо убежден, что цель будет достигнута; особенно пророки пламенно исповедуют исторический оптимизм: воля мира станет естественной волей человечества; человек просияет Божьим светом,—а вместе с тем просияет и вся земля. Вот три замечательных свидетельства—Иезекииля, Иеремии и Исаии. Будет день, говорит Господь, «окроплю вас чистою водою, — и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное и дам вам сердце плотное. *Вложу внутрь вас дух Мой* и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять» (Иезек. XXXVI 25—27). Устами Иеремии Бог говорит: «Вот наступают дни, когда я заключу с домом Израиля новый завет: *вложу закон Мой во внутренность их* и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорит: *б* «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого» (XXX 31—34). Наконец, знаменитое пророчество Исаии о царстве Божьем на земле: когда воссядет на престол

исполненный страха Господня, тот, чьи чресла будут препоясаны правдой, — «тогда волк будет жить вместе с ягненком и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок и молодой лев и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (XI 1–9). Исаия не говорит, но из существа той мысли ясно: человек уже не будет терпеть и земных невзгод. Откуда им взяться тогда? Они были Божьей карой за нечестие, другими словами, реакцией мира на своевольное поведение человека; теперь человек исполнен ведением мировой воли и ревностно исполняет ее, — следовательно и мир с ним заодно. Будут едины сердца людей, и разрозненность всей твари превратится в гармоническое единство, и воцарится в мире всеобщее благоденствие.

XVII.

Только теперь, достигнув вершины, мы сумеем понять начало и развитие еврейской религии, подобно тому, как только в расцветшем цветке могут быть познаны его почка и рост.

Как бы ни объяснять происхождение религии, вне спора остается одно — что религия есть умозрительное обобщение опыта; человек должен был обладать некоторыми основными познаниями о мире раньше, нежели облек их в простейшую религиозную форму — в миф. В трудной борьбе за существование он учился жить, зорко наблюдал и страстно заинтересованной мыслью проверял свои наблюдения. Опыт, собранный в те несчетные темные века, должен был постепенно отложиться в человеческом уме некое смутное и целостное разумение миропорядка. И вот, уже в поздний час истории, сравнительно незадолго до нас, зарождается религия. На первых порах, она не что иное, как миро-объяснительная гипотеза: рассказ о строе и движении мира, как целого. Такой рассказ по существу предмета не мог быть описанием: необозримая множественность и сложность мира

может быть представлена только символически, в образах. Поэтому всякая религия вначале есть миф; ее назначение — изобразить познанное взаимодействие мировых сил в виде модели, как взаимодействие живых образов. И так как миф создается коллективно, то содержание всякой мифологии определяется характером данного коллектива, т. е. всякая мифология национальна.

Миф с самого начала воплощает в себе те два основных познания человеческой мысли, без которых была бы невозможна никакая целенаправленная деятельность; притом он с самого начала отождествляет эти два знания, как единую двустороннюю правду о мире. Именно, во-первых, он знает мир уже не раздельной множественностью самочинных, взаимно-независимых явлений (как, может быть, чувствует животное), но совокупностью нескольких громадных организованных систем; развитие мифа идет путем неизбежного признания все более тонких и более широких взаимодействий, пока не достигает своего предела, т. е. представления о мире, как абсолютном единстве. Это высшее познание, за тысячи лет предвосхищающее последний итог науки, есть идея единобожия. Так сложилась

и еврейская религия. Древнейший Бог евреев есть прежде всего символический образ действительности, как единой системы сил.

Но первобытная мысль опережает не только науку интеграцией познания: она предвосхищает смутным и уверенным постижением также последний вывод философии. Как уже пещерный человек твердо знал и неизменно учитывал закон тяготения, открытый лишь Ньютоном, так люди в своем мышлении искони, хотя и безотчетно, руководились той истиной, которую научно выразили Кант и Шопенгауэр,—истиной о субъективности своего миропознания. Я воспринимаю не самые вещи, но только знаки и движения, производимые ими во мне — мои ощущения; следовательно, познавая мир, человек познает только самого себя, и мир, знаемый нами, тождествен с человеком. Это темное постижение с самого начала определило форму мифа; вот почему всякая мифология, даже наиболее примитивная, неминуемо антропоморфична; модель мировой жизни неизменно представлена в мифе человекоподобными образами. Этот второй смысл мифа с веками все ярче проступает в нем, и оба потока—интеграция и антропоморфизация мира — все время текут в одном

русле. В единобожии оба сразу завершаются: мир познан наконец как абсолютное единство и вместе как абсолютный, вневременный, совершенный человек. Нигде это двуединое развитие и эта двуединая сущность религии не выступают так ясно, как в Ветхом Завете. Здесь самодержавие Бога безгранично, рядом с ним нет и не может быть других богов — он «Бог ревнивый» до умопомрачения; и в мирообъемлющем образе его четко просвечивает как бы эфирный образ человека, почему Библия и утверждает, что земной, смертный человек есть образ и подобие Бога, и в своих проявлениях Бог неизменно принимает человеческий облик, и мысль, и нрав, и поведение Бога по Ветхому Завету совершенно антропоморфичны.

Это свое двойственное постижение мира, как внеположной данности и вместе как имманентного себе образа, человек неминуемо олицетворял в модели, потому что такова врожденная потребность человеческого духа — об'ективировать свои движения либо в материальном воплощении, в творчестве, либо, где это невозможно, — по крайней мере в воображении, чтобы тем как бы выложить их наружу и поставить пред собою, как предмет созерца-

ния и средство самопознания. Так слагается в единобожии фигура и личность Бога, реального человекообразного существа *suī generis*. В своем законченном виде Бог единобожия совмещает в себе три сущности или три смысла; образ мира, познанного как единство действующих в мире сил, и вместе как закономерная об'ективация человеческого духа, воплощен во всемирной, человекообразной, конкретной личности Бога; последнее, необ'ятное по своей полноте разумение заключено в удобовоспринимаемый, почти зримый образ. Познавательный смысл этого образа есть то, что питает народную душу; но масса питается им бессознательно — чрез единственно-доступный ей конкретный образ Бога. И миф никогда не умирает в религии. Как солнце смутно и однако отчетливо виднеется сквозь туман, так и в самом просветленном религиозном сознании еще явствен мифологический образ воплощенного Бога, Бога — личности. Именно этот образ струит тепло и свет в религиозно-настроенную душу, к нему стремятся вера, надежды и молитвы — и его изображают художники в куполах храмов.

И тут еврейская религия представляет чистейший тип религиозного творчества. Ветхо-

заветный Бог среди всех богов человечества — наиболее ясный символ мира, потому что наименее воплощенный: скорее стихия, чем личность. Вот почему у него нет ни жены, ни помощников, ни личной жизни, ни атрибутов власти. И все же воплощенный образ Бога — до конца ядро еврейской религии. Древний Бог жив, как личность, и в сознании пророков, с прежним обликом пламенной стихии, — да он жив призрачно в верованиях набожного еврея разумеется и поныне.

XVIII.

Кочевники Синайской пустыни восприняли мир, как неистовство и ярость движения, как бушующий ураган огня. Или нет: так они восприняли не внешний мир, но собственный дикий, пламенный, необузданный дух — сердце и вместилище мира. Вселенная и единосущный ей человеческий дух — неукротимый огненный вихрь: вот познание, олицетворенное в образе библейского Бога. Не так, как объясняют историки — что еврейский Бог — бог горной страны, бог гроз и молнии; наоборот, из всемирной сущности, из огненной природы Бога народный разум вывел, как признаки его, и сопутствие ему грозы, и проявление его в виде

пламени. «Дух Божий», создавший все, *gash elohim*, т. е. изначальная и вечная субстанция мира,—огонь, другими словами движение, как стихия. Это безименный и безликий, но реальный Бог, носящийся самым по миру, распаляющийся пламенем, извергающий дым и горящие уголья, плавящий горы, бешено-вспыльчивый, беспощадный, ревнивый, нетерпеливый, забывчивый. Этот образ сложился несомненно в результате долгих исканий и глубокого брожения, когда накапливались, и проверялись, и медленно приводились к единству собственные восприятия народа, и перерабатывались усвоенные извне обобщения в согласии с народной мыслью. Для нас безразлично, из каких крупниц—местных или иноземных—он слеплен: в том виде, каким рисуют образ Бога древнейшие части Библии, он—неоспоримое создание еврейского народного духа.

Но чистое созерцание не дано человеку. Уже начальное познание мира есть его истолкование, а истолкование неизбежно содержит в себе уразумение должного, законодательный образ мира. Поэтому всякая религия уже в свой мифический период есть вместе и законодательство; и древний еврейский Бог—не просто владыка, но также и мировой законо-

датель, прообраз и олицетворение совокупности сил, образующих вселенную, не в их покое,—потому что в мире нет покоя,—но в их безостановочном движении, другими словами—олицетворение тех непреложных стремлений к совершенству, которые человек ощущал в своем духе и видел стихийно проявляющимися в своем общежитии. Однако, в эту раннюю эпоху созерцание и истолкование еще далеко преобладают над законодательным или моральным элементом религии. Бог Синайских кочевников, вторгнувшихся в Ханаан, — преимущественно энергия. У него уже есть ясный замысел миростроительства, и в общем он настойчиво осуществляет свой план,—образ личного и мирового совершенства уже сложился в человеческом духе. Но борьба с природой вне и внутри себя была еще слишком трудна и принуждала человека направлять всю зоркость на изучение ближайшей действительности; активные энергии чувствовались несравненно сильнее потенциальных — и Бог был нужен людям прежде всего как наглядная схема мира, как систематическая сводка их проверенных наблюдений над миром. Мирообъяснительный миф был для них то же, что для иностранца — план незнакомого го-

рода: вещь неоценимой практической важности.

Но черты долженствования, с самого начала сквозившие в объяснительной схеме, с каждым днем все яснее проступают и постепенно сами складываются в систему. Пламенно-яростный мир обступил человека и огненными языками, жгущими тело, дает знать ему свою волю. Его приказы внутренне-принудительны в созданиях; долг, возлагаемый им на человека, совпадает с жизненной выгодой человека. Мир говорит: хочешь здоровья, покоя, успехов, хочешь счастья,—живи закономерно; а жить закономерно значит жить по моей воле.

Древний человек не мог не заметить, что среди его восприятий одни субъективны и ложны, другие объективнее и потому вернее, и что его внедрение в природу, т. е. его действия, также бывают ложными или правильными сообразно большей или меньшей объективности определяющего их опыта. Так постепенно сложилось представление о двойственности человеческого существа: в каждом чувствовании и желании есть личный, ложный элемент, и элемент безличной мировой правды; следовательно, эмпирическая личность вся в

целом, с ее ложными восприятиями и своевольными желаниями — ложь и зло, но в ней же заключено непреходящее зерно, реальное «я», — как бы механизм мировой воли в человеке.

Еврейское народное мышление с самого начала решало задачу чисто-практически. Если субъективные восприятия и желания в силу своей ложности неминуемо отвергаются миром, т. е. приводят к неудаче, — значит личное своеволие *невыгодно* для человека и прямая корысть диктует покорность объективной воле духв. Малейшим актом своего существования человек воткан в мировое целое; дышет ли он, ест ли или действует, — он дышет миром, ест мир, действует на мир и мир на него; он — канал, чрез который циркулирует мир, рычаг, движимый мировой волею; он весь во власти мира. И потому мир все равно в конце концов победит личность, т. е. полностью внедрит в человека свою волю; торжество объективного разума над личным сознанием и своеволием — неизбежно. Это и будет «царство Божье на земле», предвещаемое пророками. Так семя законодательства, изначально заложенное в миф, века созревало в его теплой оболочке, пока не расцвело идеей.

Созерцательный, мифологический период религии медленно сменяется законодательным.

XIX.

Долг, налагаемый миром на человека, вдвойне труден. Как отличить человеку среди несметных влечений, обуревающих его, должные, мировые, от личных, преступных по закону мира? Уже в простейшем действии сплетены те и другие. Мировая воля инстинктом голода повелевает есть и даже очерчивает круг питания; но внутри узаконенного круга заключены бесчисленные возможности, оставленные на выбор человеку. Здесь то, в ограниченной свободе личности, кроется опасный соблазн: чрезмерно-субъективный выбор легко может оказаться преступным, и тогда уже не избежать наказания. И в каждом желании, в каждом поступке так же нераздельно смешаны необходимость и своеволие, и чем сложнее влечение, тем большую долю в нем присваивает себе личность. Инстинкт Божьей, мировой правды пока еще слабо звучит в душе человека, — как же найти верный путь? А в совокупности быта каждый личный уклон — «сеть и петля» для других, и сцепление индивидуальных беззаконий далеко отклоняет на-

родную жизнь от нормы. Неведом и темен путь Божий! Когда же и узрит его человек по озарению сердца или народ по слову пророка,—кровь стынет в жилах: какой суровый, безрадостный путь! Пусть скупотмерена человеку свобода, — он дорожит только ею: личным своеволием в пределах закона. Зверь ищет сытости,—в человеке на самой черте животного голода уже брезжит личный вкус, и с каждым шагом дальше от животной закономерности все ярче разгорается в нем личность. Как отречься от нее? Лучше невзгода, болезни, самая смерть. И хитрит человек пред Богом, как школьник, уклоняется и упорствует, и Бог больно сечет его и гремит с высоты: Я бил вас засухой и голодом, но вы не обратились ко Мне, бил вас моровою язвою, избивал мечом ваших юношей, разрушил ваши города, но вы не слушались Меня (Амос IV 6--11); а человек, потрясенный карою, горько кается и стонет: для чего Ты дал мне эту свободу, зачем не оставил меня как зверя? и почему не указал мне явно Твоих путей? Так говорит Иеремия: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (X 23); так ропщет Третвееисаия: «Для чего, Господи, Ты

попустил нам совратиться с путей Твоих, ожесточиться сердцу нашему, чтобы не бояться Тебя?» (Исаия LXIII 17), а псалмопевцы молят с трогательным простодушием: «Укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня стезям Твоим», «Научи меня, Господи, пути Твоему и наставь меня на стезю правды», «Наставь меня на путь Твой и буду ходить в истине Твоей; утверди сердце мое в страхе имени Твоего» (XXIV 4, XXVI 11, LXXXV 11).

XX.

Единственными знамениями Бога были народные бедствия, которые в истолковании пророков указывали, чего не надо было делать. Из той же потребности возникали у всех народов и широко были распространены также у евреев — колдовство и гадание, когда народ или отдельный человек вынуждали у Бога указания, или в снах и темных знаках старались угадать Его волю. Но такие случайные и разрозненные знамения мало помогали. Дело было слишком важно — дело самой жизни, личного и народного благополучия. Если неведение Божьего пути и собственное нерадение ежеминутно грозят бедою,—

надо во что бы то ни стало отыскать верный след и средства.

В ту пору, когда слагалась еврейская религия, человечеством был накоплен уже громадный опыт и глубоко исследован мышлением. Человек уже тысячелетия жил в сообществах, в семье, в роде, племени и государстве; техника совместной жизни была широко разработана, и навыки ее, наследуясь через поколения, укоренились в личности. Религия и общественность, выросши из одного корня, росли заодно и взаимно питали друг друга. Никакой человек не сделал гениального открытия, и не отвлеченной мыслью, но на деле было познано, что в коллективном опыте погашается субъективность личных восприятий и влечений, очищается от лжи объективная, т. е. мировая правда человеческого духа. Если Бог — центр бытия, то личность должна лежать на одной из окружностей, образующих концентрическую систему мира — и этой окружностью является несомненно человечество. Отрекаясь от личной корысти и своеволия в пользу своего ближнего или рода, человек исполняет тем свой мировой долг, т. е. живет космически-правильно. Здесь сразу преодолевались обе трудности: трудность знания и

трудность исполнения, потому что род говорит к личности понятной речью и доводы его для нее внутренне-неоспоримы. Род, как орган мировой воли, непогрешим, его воля—истина; но такова, разумеется, лишь чистая воля рода, сообразная с его сущностью. Эта чистая воля заложена в каждом из членов рода и должна быть проявлена их совокупными усилиями; она отлична от эмпирической воли рода, которая представляет собою лишь равнодействующую всех личных своеволий.

Так религия в строгой последовательности своего развития необходимо порождает мораль, или, вернее, узнает свою собственную сущность в тех нравственных побуждениях, какие для своей цели вызывает и культивирует в личности общая жизнь. Узнав в морали свой лик, религия нераздельно сливается с нею, включая ее в себя. Поэтому не было и нет религии, не исходящей в мораль и право, и всюду мораль и право первоначально питаются религиозной мыслью, из нее почерпают и свое содержание, и свою принудительность. Твердо устанавливается иерархия властей и подчинения: мировая воля чрез объективный разум рода обуздывает личность, и наоборот, личность, повинуюсь велениям

рода, осуществляет мировой план. Таков нравственный смысл ветхозаветного мифа о договоре Бога с Израилем: Бог может обрести полноту своего бытия лишь усилиями единственного разумного создания—человека; и вот он чрез своего естественного посредника, ближайшего к личности, — чрез род, — наставляет ее разум и движет ее волю в должном направлении.

Этим путем, путем всех религий, от метафизического мифа к морали, шел и еврейский народ. Пока мифологический элемент в религии преобладал над моральным, пока Бог представлялся всемирным существом, отдельным от личности, до тех пор человек мыслил свое отношение к Богу, как отношение механическое: как отношение данника к грозному господину. Тогда Бог требовал от человека только веры в себя и страха пред собою, т. е. общего подчинения его воле, и религиозное сознание обязывало человека лишь к изъятию его подданических чувств по отношению к Богу в виде славословий да вещественно-символической дани—жертвоприношений. Когда же мировой закон был признан не внеположным человеку, а его собственным имманентным законом, нормою человеческого духа, тогда формаль-

ная дань потеряла смысл. Становилось ясным, что Бог требует себе всей воли человека в ее конкретности; свой мировой долг человек может исполнить не одним только признанием своего подданства миру, не одной символической данью, но подлинной, реальной службою миру, исполнением его закона в каждом своем поступке.

XXI.

Эту моральную мысль еврейской религии выражало ветхозаветное пророчество, начиная с первого из великих пророков, Амоса. Они все говорят одно: теперь уже не довольно внешнего служения Богу, как лица—лицу; Бог требует уже не вещественной дани—жертвы, но сама личность должна отдаться Богу вся без остатка. Другими словами; Бог и человек не два отдельные существа, но Бог — чистейшая и реальнейшая сущность человеческого духа.

Бог говорит чрез Амоса (V 21—24): «Не навизу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших. Если вознесете Мне всесожжение и хлебное приношение, Я не приму их и не при-

зрю на благодарственную жертву из тучных тельцов ваших. Удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать. Пусть как вода течет суд, и правда, как сильный поток». То же говорит Он чрез Исаию (I 11 и д.): «К чему Мне множество жертв ваших? Я пресыщен всесождениями овов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня, «новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие— и празднование. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; а когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло, научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю». Говорит Миха (VI 6—8): «С чем предстать мне пред Господом, преклониться пред Богом Небесным? Предстать ли пред ним со всесождениями, с тельцами однолетними? Но

можно ли угодить Господу тысячами омовений или неисчислимыми потоками елея? Разве дам Ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего за грех души моей? О, человек, сказано тебе, что добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим». Это положительное требование Бога: «возлюбите добро» они все согласно определяют как самоотречение личности в деятельном служении чистой идее рода: «разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого — одень его, и от единокровного твоего не укрывайся» (Второзак. LVIII 6—7); «если совсем исправите пути ваши и деяния ваши, если будете верно производить суд между человеком и соперником его, не будете притеснять сироты и вдовы», то помилую вас (Иерем. VII 5—7); «кто никого не притесняет, должнику возвращает залог его, хищения не производит, хлеб свой дает голодному и нагого покрывает одеждою, в рост не отдает и лихвы не берет, от неправды удерживает руку свою, суд человеку с человеком производит

правильный», -- тот праведник (Иезек. XVIII 7—8), и т. п.

Казалось бы, какое дело Богу до того, верные ли весы у торговца и даром ли один человек ссужает деньгами другого, или в рост? Нет сомнения: тот стихийный Бог, который огненным вихрем носился по миру, не стал бы изливать свой гнев на ростовщиков; но не случайно их и не было тогда. Бог сильно изменился вместе с общежитием. Теперь он несравненно строже к человеку и зорко смотрит в каждую отдельную душу. Он лучше понял свое дело: человек должен действительно работать на него, и притом всей волею. Но по природе Он остался тем же, чем был: реальностью мира, как целого. Каждой своей строкою пророки свидетельствуют, что нравственность — не только межлюдское, земное дело: нравственность — религиозное дело не менее, и даже гораздо более, чем жертвоприношение: нравственным поведением человек исполняет свое космическое назначение — и космос именно требует от него «добра», а за моральный проступок карает смертью. Вот почему они неустанно твердят о практической выгоде — не благочестия только, как раньше, но и нравственности преимущественно. Амос

прямо говорит: «За то, что вы попираете бедного и берете от него подарки хлебом, — вы постройте дома из тесаных камней, но жить не будете в них, разведете прекрасные виноградники, а вина из них не будете пить. — Ищите добра, а не зла, чтобы вам остаться в живых» (V 11—14). Исаия, после слов: «ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову» прибавляет: «если послушаетесь, то будете вкушать блага земли, если же будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят» (I 17—20); так на каждой странице пророческих книг. И пророки не от своего лица человечески вразумляют народ: то неизменно сам Бог требует правосудия, честности, милосердия, верных весов и пощады должнику; оне нужны Ему для совершения Его вселенско-личного дела. Если хочешь жить в благоденствии, отрекись от своей личной воли, покорись родовой воле. Личная воля ошибочна, родовая воля верна, согласна с мировой волею. Если же будешь упорствовать в личном своеволии, знай: ты весь во власти мира: он принудит тебя чрез материю подчиниться родовым велениям его единого закона.

XXII.

С виду еврейская религия нисколько не изменилась. Все так же в зените стоит воплощенный образ Бога; то же жречество, те же моления, возлияния, жертвоприношения, празднества. Но внутренне Бог Амоса и Второиисаии глубоко отличен от Бога Деборы. За пять веков разумение народа углубилось и окрепло. Густой узор действительности словно бледнел, обнажая черты должного, совершенного мира. Самораскрытие духа, сознаваемое человеком в воплощениях его внешнего творчества, все яснее обнаруживало неудержимую *устремленность* бытия. Сущее — призрак и ложь, лишь мгновенный вид становящейся, таинственно-предопределенной жизни; в сущем реальна не данность, а тенденция, долженствование. Следовательно мир — закономерно и непреложно осуществляющийся замысел, или, по терминологии старого мифа, — замысел Бога. Этот замысел осуществляется всем составом и во всех явлениях мира, в том числе и человеком в его деятельности. Исполнять вселенский замысел, не противиться ему и не лениться — естественное существование чело-

века; тогда оно прекрасно и безболезненно. Напротив, непокорность мировому закону противоестественна. Жизнь ослушника не оправдана, не имеет смысла, и мир неминуемо извергнет его, как ненужную и вредную вещь; мир перестает кормить и оберегать его, да еще гневно бьет, пока не уничтожит или не образумит.

Таково содержание ветхозаветной религии в ее второй, моральный период. Она осталась тем же, чем была,—общим учебником жизни нужнейшим из достояний человека. От первых проблесков сознания человек искал одного,—самое сознание и зародилось в нем и пребудет во веки этим одним вопросом: как жить, как прожить в противоречивой множественности собственных влечений, или, что то же, мировых явлений? И, накапливая знания, он время от времени сводил их в систему, которую легко было и обозреть, и запомнить: таковы были его первые мифы; и постепенно исправлял свой миф, дополнял и усложнял его, не меняя однако его основного плана, потому что план мира был от самого начала верно начертан в мифе. Религия была как бы схематическим и наглядным руководством по общей технике жизни, как если бы кто на-

учил желающего изучить ремесло только общей техникой ремесла, а в остальном предоставил бы его собственному усердию и дарованию. Религия предков давала только самые общие указания по мировой технике человеческой жизни, религия пророков была гораздо более ясным и подробным руководством.

Древний Бог евреев олицетворял самосознание полудикого духа, который уже познал себя средоточием и прообразом мировой воли, но только как неукротимой энергии, а не как закономерного движения. Мир повелевал человеку только одно: знай и помни, что ты во мне, мною создан и мною существуешь; иначе всякий твой помысел будет ошибочен и всякий поступок — на гибель тебе. Оттого древний Бог требует прежде всего — общей любви к себе, почтения и страха. Он безнравствен, как человеческий дух в ту пору; ему нипочем толкнуть человека в соблазн, вовлечь в обман, или погубить коварством; его жестокость безмерна, — страницы хроник сочатся кровью, пролитой Им самим или по Его приказанию. Он беззаконен, т. е. неразборчив в средствах; у него один закон — еще не расчлененный замысел мира, и для него хороши все средства, которые заставляют человека

признать обязательным для себя этот замысел.

Это требование навсегда остается первым требованием религии, как основное, самое общее знание человека о мире и своем месте в нем: мир, как целое, — единственная реальность, личность же реальна, а следовательно и права, и благополучна в мире лишь постольку; поскольку она исполняет его единый закон. Оттого и пророки неустанно проповедуют прежде всего общую любовь к Богу и общий страх пред ним, как первое правило космически-верного поведения. Страх Божий, как компас на море, указывает общее направление: надо править душою на целостное совершенство мира — на Бога.

Но теперь уже компаса мало; уже подробнее обследовано море и найден человеческий фарватер: если хочешь верно плыть, держись его. К прежнему требованию: повинуйся мировому закону — воле Бога, присоединяется другое, более точное: в частности повинуйся человеческому уставу мирового закона — разуму рода. Бог по прежнему мыслится в воплощенном образе, отдельным от мира всемирным существом, т. е. человек все еще ощущает мир внеположным себе и незави-

симым от себя, объектом своих восприятий и воздействий—и в то же время воля Бога уже познана, как сверхличная, родовая воля самого человека, — Бог вочеловечился, т. е. человек сознал закономерность своего духа закономерностью вселенского бытия. В том воплощенном образе вочеловечение Бога представляет зрелище потрясающего трагизма. Бог, как символ только созерцаемой сущности, был, без сомнения, величаво-спокоен в своей миродержавной мощи. Но то время минуло давно; таким уже не помнил его еврейский народ. Уже на заре сознания пребывающий Бог является Богом стремящимся, волящим, повелевающим; религия уже в своих зачатках — законодательство. А желать значит не иметь, и потому желание—страдание. Бог хочет отождествить с своей волей волю человека; отдельный от человека, он хочет слиться с ним безраздельно; но человек, упорствуя, запирается от него; Бог тщетно стучится в человеческое сердце, увещевает и грозит, и глубоко страдает, потому что его собственная предустановленная воля—то, на что он обречен самой сущностью своею,— стать человеком. Он должен умереть, как Бог в воплощенном образе, но вся его сущность—

пределный план мирового совершенства, и знание способов его осуществления, и безграничная энергия мира, вся устремленная к той цели — должна наполнить человеческий дух. Мир — не реальность, и потому его бытие — не покой; мир — только пламенная и уверенная мечта, имманентная бытию. Жизнь мира — бесконечное стремление, тоска и страдание. Мир болен в самой сердцевине своей — в человеке. Поэтому путь Бога в истории — крестный путь. Его неумолчные жалобы у пророков звучат великой болью: человек презрел Его, не исполняет Его велений. Бог — мир зовет в свидетели небо и землю: не он ли создал и лелеет человека? «вол знает владельца своего, и осел — ясли господина своего; а Израиль не знает Меня» (Исаия I 2—3). Он спрашивает с горьким недоумением: «Какую неправду нашли во мне отцы ваши, что удалились от Меня и пошли за суетою и осуетились?» (Иерем. II 5). Во что еще бить их, как вразумить? Шестая глава Мухи рисует тяжбу Бога с Израилем: гениальные строки, напоенные всей болью бытия. «Слушайте, что говорит Господь: встань, судись перед горами, и холмы да слышат голос твой. Слушайте, горы, суд Господень, и вы, твердые основы

земли, ибо у Господа—суд с народом Своим, и с Израилем Он состязуется. Народ мой, что сделал Я тебе и чем отягощал тебя? отвечай Мне».

Он требует немногого: только воли человека. Что такое праведность? — Космически-правильная жизнь человека, совпадающая с его собственным благополучием. Что нужно для праведности?—во-первых, космическое, не замкнутое сознание; во-вторых, межлюдское нравственное поведение. «О, человек, сказано тебе, что—добро, и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия—и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Мих. VI 8).

XXIII.

Как ученый в своей лаборатории, так малочисленный народ в крошечной стране, окруженной колоссальными империями Ассирии, Вавилона и Египта, начал, и делал, и кончил—собственно для себя, но ясно понимал, что и на пользу всего человечества—то дело, которое одно задано человеку; потому и чувствовал себя избранным народом Бога, что сознавал всемирно-исторический смысл своего национального дела. Жизнь—сложное и опас-

ное искусство, подобное работе над взрывчатыми веществами. Малейшая ошибка грозит тяжкими повреждениями, болью и смертью; здесь незнание или забывчивость, торопливость или нерадение — верная гибель. И так как рожденный обречен жить, то для человека нет ничего нужнее, как изучить искусство жизни, т. е. узнать свойства взрывчатых веществ, над которыми он поставлен трудиться, и выработать правильные приемы обращения с ними.

Нет числа окружающим меня созданиям, и каждое из них — индивидуальность, и каждая индивидуальность стремится утверждать свое бытие на счет других; в каждом особенное взрывчатое вещество — его воля, — во мне также — и действия его я не знаю. Но взрыв одного вызывает взрыв другого; я сам неведомым взрывчатым веществом, заключенным во мне, моей волею, ежеминутно вызываю взрывы кругом, и взрывы других созданий в мире ежеминутно ранят меня и грозят уничтожить. Уже пещерный человек владел огромными познаниями по технике обращения с взрывчатыми веществами природы и собственного духа. Всякая религия есть свод таких знаний, и потому нет народа без рели-

гии. Но еврейский народ первый в полном объеме и с ясным сознанием определил задачу разума: частных и разрозненных сведений недостаточно; надо поставить исследование в мировом масштабе. И, не дожидаясь других, один предпринял гигантский труд, плодом которого должно было быть спасение человечества, предпринял и исполнил, насколько сумел,—во всяком случае, с величайшим рвением и непоколебимым мужеством, «весь в язвах», как описывает его Исаия, от бесчисленных взрывов изнутри и извне. Познание, добытое им в столь опасных опытах,—достояние всего человечества; ему в значительной мере обязан и я, пишущий эту страницу, и вы, читающий ее, и московская прачка, и кельнер берлинского кафе, и любой член Нижней Палаты в Лондоне—ему, говорю я, мы обязаны тем, что наша жизнь -- работа на фабрике взрывчатых веществ—проходит уже безопаснее.

Он доказал неопровержимо навеки (к чему более или менее приблизились и все другие религии) три положения. Во-первых: субстанция взрывчатых веществ — воля—во всех созданиях, образующих мир, вопреки многообразию их форм и проявлений, — одна и та же. Во-вторых: человеческий дух—концентри-

рованная и потому сильнейшая форма всеединой взрывчатой субстанции, воли. И в третьих: человек — один из всех созданий способен, а следовательно и призван превратить беспорядочную взаимовзрывчатость созданий в гармоническую, — и именно вот почему и как. Представляя сильнейшую форму мировой взрывчатой субстанции, человеческий дух владеет абсолютной детонацией в мире; пусть только его внутренние взрывы станут гармоничными, — они будут вызывать гармоническую детонацию в мире, а так как они — сильнейшие, то их постепенное упорядочение есть упорядочение всей взрывчатой, т. е. волевой системы мира. Концентрация же мировой воли в человеческом духе есть разум: самосознание воли; в силу самосознания человек способен волею обуздывать свою волю, т. е. упорядочивать свою собственную, а тем и всеобщую мировую взрывчатость. Но личность, какова она есть, своевольна подобно всякому другому созданию. Естественной школой, научающей ее упорядочивать ее внутренние взрывы, является общежитие; родовой разум есть теория правильных помыслов и желаний. Усвоив в этой школе технику правильных межлюдских взрывов, личность становится

вообще гармонически - взрывчатой, и тем устроает мир. Все три положения обобщаются в одном: мир стремится не к мертвому покою безвзрывчатого, безвольного бытия (как учит напр. буддизм), а к живому покою гармонической взрывчатости — и водворить в нем гармонию предназначен им из числа его созданий человек, для чего мир и снабдил человека соответственным механизмом духа. Бог - мир изначально создал человека по своему образу и подобию для того, чтобы в конце времен человек преобразил его в новый, лучший мир,—окончательно создал Бога. Тогда уже не будет раздвоения на объект и субъект: мировая воля нераздельно сольется с волей человека, Бог и человек будут одно.

XXIV.

Исследование библейской религии показало, что *ключем веры*, сущностью религии, является мысль о космически-правильном поведении человека, как непреложном условии его благоденствия. Религия и была методологией такой правильной, благополучной жизни.

Оно показало, что для достижения этой цели религия предлагает человеку два сред-

ства: во-первых, держать свое сознание космически - открытым, не замыкать его человеческой окружностью; во-вторых, в человеческом круге держать свое сознание социально-открытым, не замыкать его личной окружностью. Первое требование составляет метафизическое содержание религии («люби и бойся Бога»), второе составляет этическое содержание религии («будь милосерд, люби ближнего»). Оба требования по смыслу — отрицательные. Религия всегда отрицательна; она руководит человека только по пути к свободе и до свободы: она учит человека отрешаться от его упрямой замкнутости. Каким он будет по освобождении, она не говорит, и не дает ему никаких указаний для той будущей, свободной жизни, потому что это невозможно, да и не нужно. Выйди только из твоего личного круга чрез человеческий круг во вселенскую жизнь: там мировая воля, без задержек циркулируя в тебе, будет сама безошибочно направлять твои шаги в целостном движении всей твари к неведомому совершенству.

Держать свой разум космически-открытым значит непрестанно помнить органическое единство вселенной, точнее — усвоить привычку автоматически помнить, что каждое

явление определяется не только своим непосредственным причинным рядом, но всей необозримой совокупностью сил и явлений, образующих мировую жизнь. Напротив, позитивный разум есть тот, который учитывает только отдельные, хотя бы и множественно-скрещивающиеся ряды причинностей, какие дознаны в опыте или в науке, и совершенно пренебрегает могучую связь, таинственно вяжущую нитями все, что есть и что совершается. Против этой забывчивости религия предостерегает человека. Она говорит: «рассчет по дознанным причинам неверен и опасен, он может привести к неудаче; настрой свой ум космически, как скрипач музыкально настраивает свою скрипку,—потом играй, как умеешь». Для собственной выгоды не должен человек забывать, что господин он в своем доме волею и попусшением истинного хозяина, что иные, невидимые руки заодно с ним строят его дом, что каждый атом его вещей носит в себе живую волю хозяина. Нам не узнать единый закон, которому подчинены законы отдельных рядов, а непознанное и есть рок, владыка над тварью. Благ и чудесен неотступный ход науки, дающей человеку власть в малом круге, но этот круг

обставлен «тьмою, где Бог». О ней забыл современный человек, упоенный научностью, и так упорно его самообольщение, что хотя неведомое поминутно нарушает его расчеты,— он не видит знамений, но, опомнившись, тотчас поспешно принимается строить вновь. Он поглощен заботой: вычисляет и мерит, кладет кирпич на кирпич, скрепляя цементом, трудится без отдыха, не поднимает головы. И вдруг низвергнется молния, или силы, дремлющие в вещах, внезапно оживут и двинутся, покорные тайному велению; рушится Лиссабон в землетрясении, идет ко дну великолепный, тщательно-обдуманный «Титаник»; вспыхнула война, и техника сама разрушает созданное ею в непрестанном труде; или в самом человеке родится необъяснимая страсть, и, обуянный ею, он кинется в добровольный костер; и ежеминутная роковая случайность, болезнь и самая смерть. Вслушайся в задушевную песню, и потом запиши ее слова буквами и мелодию нотными знаками: ты уловил только жалкие обрывки ее. Так в каждом явлении есть целостный, неповторимый строй, есть силы и взаимодействия сил, навеки недоступные познанию.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Пусть Веллбгаузен с товарищами доказали, что первоначальные писания Ветхого Завета тенденциозно искажены или даже вовсе измышлены для оправдания поздней реформы; пусть верно и то, что вера пророков во многом была отлична от народной религии евреев,—четыре соображения заставляют признать вероучение Ветхого Завета в его основе целостным и единым. Во-первых, и пророки, и жрецы-реформаторы пришли поздно, когда религиозное умозрение их народа уже настолько окрепло, что попытка существенно изменить это умозрение была бы заведомо обречена на неудачу. Во-вторых, эти люди сами вышли из недр народа и разнились от него лишь ясностью сознания и широтой кругозора, но по составу крови, по бессознательным стремлениям духа и навыкам мышления были тождественны с ним, и потому могли ощущать в себе лишь влечение просветить и очистить народные верования, либо закрепить их в систему закона. В-третьих, религиозная история евреев

на протяжении тысячелетия представляет совершенно однородное единство и не обнаруживает никаких признаков раскола, когда ортодоксальная мысль в сознании своего права т. е. опираясь на многовековое предание, насильственно боролась бы против новшеств в делах веры и обрядности: знак, что подлинное, метафизическое ядро еврейской религии осталось на всем протяжении этого времени неизменным. Наконец, в-четвертых, и что важнее всего, самое это ядро представляет такую целостную и неразложимую систему иррациональных постижений, которая могла быть создана только коллективным народным духом. Как пророки, так и практические преобразователи культа были далеки от мысли проверить эту основу народных верований, — напротив, все равно исходили от нее, как от безусловной истины. Таков общий смысл моего исследования — что в Ветхом Завете, как в великолепном ларце, хранится под тысячью чудесно вышитых оболочек этот золотой слиток еврейской религии, не предумышленное творение человека, но столь-же органический плод духа, создание вочеловечившейся природы, каковы в низших сферах естества вулкан в горе или яблоко на яблоне.

ACHEVÉ D'IMPRIMER
EN DÉCEMBRE 1979
PAR JOSEPH FLOCH
MAÎTRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE
N° 7003

